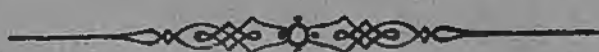
ВЛАДИМІРЪ КАЧАНОВСКІЙ.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИЗУЧЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

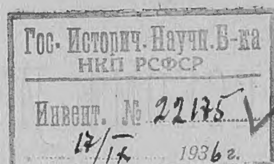
КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1887.

Владимиръ Качановскій.

Объ историческомъ изученіи русскаго языка.

Казань.
Типографія Императорскаго Университета.
1887.

По опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго университета печатать дозволяется.

Деканъ *Д. Бѣляевъ*.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИЗУЧЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

приватъ-доцента **Владиміра Качановскаго.**

Милостивые Государи!

Я имѣю честь излагать курсъ *Исторіи Русскаго языка*, который, надѣюсь, будетъ полезенъ будущимъ преподавателямъ Русскаго языка.

Долгъ мой указать вамъ прежде всего, какъ слѣдуетъ изучать *Исторію Русскаго языка*, послѣ чего станетъ понятною и важность изученія этого предмета.

А priori можно и слѣдуетъ сказать, что все чуждое церковно-славянскому языку въ древне-русскихъ памятникахъ должно быть причислено къ особенностямъ древне-русскаго языка. Слѣдя за такими особенностями по древнимъ памятникамъ, мы въ концѣ концовъ легче можемъ понять 1) происхожденіе той или другой формы современнаго русскаго литературнаго языка - причину ее условившую; 2) можемъ узнать, какъ извѣстное слово постепенно измѣняло свое значеніе.

Въ примѣръ перваго беремъ слово *прежде*. Почему въ настоящее время мы пишемъ *прежде*, когда уже въ Остромировомъ евангеліи и въ „XIII Словахъ" Григорія Богослова, XI в. мы находимъ болѣе русскую его форму *преже*? Древнерусскіе памятники намъ показываютъ, что всѣ подобные формы съ *жд* и *шт* въ русскомъ языкѣ условлены вліяніемъ церковно-славянскаго языка, которое всего болѣе усилилось, въ русской письменности съ XV в., съ прибытіемъ въ Русь южно-славянскихъ книжниковъ. Почему — спрашиваемъ мы — говоримъ и пишемъ *праздный*, когда въ твореніи нашего

лѣтописца Нестора: „Житие прпбнаго оца нашего Ѳеодосиꙗ игоумена печерьскаго“, извѣстномъ нынѣ въ спискѣ XII в. ([1]), мы встрѣчаемъ русскую форму *пороздънъ* (гла юмоу чьрноризьче се бо ты по вся дни пороздьнъ юси) ([2]), которая существуетъ и въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ: въ великорусскомъ въ формѣ *порозжій*, въ малорусскомъ *порожній* ([3])? Древне-русскіе памятники даютъ намъ отвѣтъ, что въ подобныхъ случаяхъ побѣда осталась за церковно-славянскимъ языкомъ.

Наконецъ, даже и такой оборотъ, какъ „*выходить за мужъ*“ можно объяснять вліяніемъ церковно-славянскаго языка на русскій, хотя явленіе это повторяется и въ западно-славянскихъ нарѣчіяхъ.

2) Знаніе того, какъ извѣстное слово постепенно измѣняло свое значеніе—важно не для одного филолога, но и для историка и юриста.

Объяснимъ примѣромъ. Возьмемъ употребляемое въ древнемъ русскомъ памятникѣ „Русская Правда“ слово *изгой*. Мнѣнія ученыхъ о немъ различны и не всегда удовлетворительны: здѣсь я не стану ихъ разбирать; но укажу нѣсколько различныхъ значеній этого слова въ древне-русскихъ памятникахъ. Въ „Уставѣ“ Великаго князя Всеволода „О судахъ церковныхъ въ Новгородѣ и Псковѣ“ мы читаемъ; „А се церковные люди: игуменъ, попъ, діаконъ и дѣти ихъ..... *изгои трои: поповъ сынъ грамоты не умѣетъ, холопъ изъ холопьства выкупится, купецъ одолжаетъ*; *а се четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣетъ.... то люди церковныи, богадѣлніи*“. Калачовъ указалъ, что въ одномъ спискѣ Русской Правды и въ печатномъ изданіи этого

([1]) Памятникъ этотъ былъ приготовленъ къ изданію проф. О. М. Бодянскимъ въ 1848 г. по списку XII в. Московскаго Успенскаго собора, № 175 (18), и тогда же девять листовъ отпечатано; изданіе не было окончено. Въ 1858 г. проф. Бодянскій въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. И. и Др. Рос.» (кн. 3) переиздалъ этотъ памятникъ, свѣривъ разные его списки. Наконецъ, въ 1879 г. тамъ же (кн. I) памятникъ этотъ снова изданъ буква въ букву, строка въ строку, по рукописи Успенскаго собора, безъ пополненія одного недостающаго мѣста между листами 8 и 9.

([2]) По изд. 1879 г. л. 18 б.

([3]) Отсюда глаголъ *порожновати* (малорус.), ничего не дѣлать, быть празднымъ; но *праздныкъ* (малорус.) *праздникъ* (велико-рус); срв. *праздьникъ* въ «Житіи» Ѳеодосія печерскаго (л. 20 б.).

„Устава“ въ „Повѣсти о началѣ и основаніи Печерскаго (въ Псковѣ) монастыря“ (Москва 1807 г. въ Синод. типографіи стр. 103, и 104), вмѣсто *изгой* стоитъ *изгонъ*. Въ одной рукописи Московскаго Главнаго Архива Иностр. Дѣлъ № 958 (по старому каталогу) и 478 (по новому) читаемъ: „Все же есть горѣе *изгойство взимати*, иже взимающеи, тіи не отдадуть опять тѣмже; *изгойство* же толкуется безконечная бѣда, непрестающая слезы, немолчно вътдыханіе, неусыпающіи чрьвь, несъгрѣемая зима, неугасаяи огнь, нестерпимая гроза, неисцѣлимая болѣзнь—вся же та суть безъ конца“ (л. 378 обор.); на листѣ 552 читаемъ снова; „*всего горъ изгойство*“. Между первымъ и послѣднимъ значеніемъ слова „*изгой*“, „*изгойство*“ не видно связи. Указать эту связь—составляетъ задачу *Исторіи Русскаго языка*.

Быть можетъ, кому-нибудь мои слова покажутся неосновательными. Въ такомъ случаѣ я нахожу нелишнимъ привести слѣдующія слова извѣстнаго юриста, изслѣдователя „Русской Правды“ Калачова: „Большая часть списковъ Русской Правды не суть первоначальные произведенія, а напротивъ позднѣйшія копіи съ оригиналовъ болѣе древнихъ. Между тѣмъ вліяніе вѣка, въ которомъ жили переписчики, мѣстное ихъ происхожденіе, привычки и свѣдѣнія—все это неминуемо отразилось въ самыхъ спискахъ, такъ что необходимы особенныя изслѣдованія для того, чтобъ сорвать оболочку, наброшенную соединеніемъ всѣхъ подобныхъ условій на текстъ настоящаго подлинника. Изслѣдованіе о различіи списковъ Русской Правды...., будучи соединено съ внимательнымъ изученіемъ другихъ памятниковъ нашей древней письменности, и при основательныхъ филологическихъ свѣдѣніяхъ, должно привести къ нѣкоторымъ весьма важнымъ и для исторіи русскаго языка особенно полезнымъ результатамъ. Съ другой стороны такое изслѣдованіе столь необходимо длд вѣрнаго объясненія Русской Правды въ другихъ отношеніяхъ, что тотъ ученый, который взялъ бы на себя этотъ трудъ, оказалъ бы величайшую услугу не только филологамъ, но также археологамъ, историкамъ и юристамъ“ (¹).

(¹) Предварительныя юрид. свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. вып. I. 1880 г. стр. 86—89.

Таково мнѣніе ученаго, очень долго занимавшагося изученіемъ „*Русской Правды*".

Какимъ измѣненіямъ можемъ подвергаться слово, видимъ изъ ниже слѣдующихъ данныхъ изъ памятниковъ древне-русскаго языка, уясняющихъ намъ, что разумѣлъ древній русскій человѣкъ подъ словомъ „правда".

1) Въ древне-русскомъ памятникѣ „*Отвѣты митрополита Іоанна II*". (1080—1089) мы, между прочимъ, читаемъ: Иже по Христовѣ любви и оутѣшеньи архіерея иного власть, по заповѣди его и по повелѣнью написана, служити или съслужити невъзбранно, но и повелѣно есть: *достоитъ комоужьдо своея правды възообидѣти*" (1), т. е. каждому подобаетъ *поступиться своимъ правомъ*. Въ Лаврент. лѣтописи, подъ 1096 г. читаемъ: Олегъ же *надѣяся на правду* (свою) яко *правъ бѣ въ семь*, и поиде къ граду с вои" (2), т. е. Олегъ, полагаясь на свое право (основываясь на своемъ правѣ), такъ какъ онъ былъ въ томъ правъ, пошелъ къ городу съ воинами. Точно также, подъ 862 (6370) г. читаемъ: „Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти, и *не бѣ въ нихъ правды*, и въста родъ на родъ, (и) быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. (И) рѣша сами въ себѣ: „поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и *судилъ по праву*" (3). Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1196 г. читаемъ слѣдующія слова Рюрика Кіевскаго Суздальскому князю Всеволоду: „абы не стряпа всѣлъ на коня, а быхомъ, снемьшеся гдѣ любо, помьстилѣ обиду и сорома своего быхомъ выстояли, и *правду* свою налѣзлѣ" (4), т. е. чтобы мы нашли свою правду—возстановили свое право, [нарушенное Ольговичами] (5). Въ договорѣ Новгорода съ Нѣмцами, XII в., читаемъ слѣдующее условіе: „Оже тяжа

---

(1) *А. С. Павловъ*. Памятники древне-русск. каноническаго права. I. 4—5, § 8.

(2) Стр. 229. (изд. археогр. ком.).

(3) Ib. стр. 18.

(4) Изд. Арх. к. стр. 466.

(5) Ольговичи напали на Смоленскую область: Олегъ Святославичъ взялъ въ плѣнъ посланнаго противъ него Давыдомъ Смоленскимъ Мстислава Романовича, племянника Рюрика.

родится безъ крови, то вергуть жеребье: кому ся выиметь, ротѣ шедъ, *свою правду възмутъ*" (т. е. получатъ свое право).

Соотвѣтственно такому употребленію слова *„правда"*, глаголъ *правити* получаетъ значеніе возстанавливать право, добиваться правды: „И почаша Кияне складывати вину на тиуна на Всеволожа, на Ратьшу и на другаго тивуна Вышегородскаго, на Тудора, рекуче: „Ратша ны погуби Киевъ, а Тудоръ Вышегородъ, а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хресть, и зъ братомъ своимъ: аще кому насъ будеть *обида, то ты прави*" (Ип. л. 229). Точно также *„имѣти въ правду"*, получаетъ значеніе *соблюдать право другого*, напр.: „И Святославъ поима лутшѣи мужѣ Киянѣ і ѣха с ними брату своему Игореви, и рече: „брате! на томъ азъ цѣловалъ к нимъ хрестъ, *оже ти я имѣти въ правду и любити*" (ib. 230).

2) Но затѣмъ, въ древне-русскихъ памятникахъ, какъ напр., въ Никоновской лѣтописи находимъ слѣдующее употребленіе слова *правда*: „духовные суды (рѣшили Новгородцы на вѣчѣ 1385 г.) судити владыкѣ по греческому закону, *въ правдѣ и въ винѣ быти у нихъ*, а посаднику и тысяцкому судити свои суды по русскому обычаю" (1). Точно также, въ грамотѣ князя Ѳеодора Іоанновича на земли Ярославскаго Спасскаго монастыря, XIV в. читаемъ: „а сведется судъ вопчей монастырскимъ хрестьяномъ съ нашими хрестьяны или нашимъ съ монастырскими хрестьяны: а нашимъ судьямъ ѣздить въ монастырь святаго Спаса; правъ ли будетъ, виноватъ ли монастырской человѣкъ: *инъ въ правдѣ и въ винѣ* анхимандриту съ братьей а нашъ хрестьянинъ намъ" (Сбор. Мухан. № 283). Это выраженіе очень вѣрно объясняетъ проф. Москов. университета Мрочекъ-Дроздовскій: *„правда и вина, вѣдать въ правдѣ и въ винѣ"* означаютъ всю совокупность денежныхъ взысканій, которыя шли съ *оправданныхъ и обвиненныхъ* судебными приговорами въ пользу судьи (правый десятокъ, пени, пошлины) и его приставовъ (хоженое, ѣзды), (Изслѣдов. о Русс. Правдѣ вып. II).

3) Въ слѣдующихъ словахъ Кирилло-Бѣлозерскаго игумена Трифона в. к. Василію Васильевичу Темному: „Поиди, государь, съ Богомъ и *съ своею правдою на свою вотчину*,

(1) П. С. Р. Л. IV, стр. 146.

на великое княженіе Московское" (см. Архангелогородскій лѣтописецъ, изданный въ концѣ прошлаго вѣка Москов. Синодальной типографіей подъ 1447 г) слово *правда* употреблено въ смыслѣ *права на наслѣдство*.

4) Въ слѣдующихъ словахъ Лаврентьев. лѣтописи объ Изъяславѣ Ярославичѣ подъ 1078 г.: „Бѣ же Изяславъ мужь... незлобивъ нравомъ, *криваго ненавидѣ*, любя *правду*; не бѣ бо в немь лсти, но простъ мужь умомъ" *правда* употреблена въ смыслѣ *справедливости*; ей противополагается *кривда* — несправедливость.

5) Въ слѣдующихъ словахъ Вл. Мономаха: „Да (е)же начнеши каятися Богу и мнѣ добро сердце створиши, пославъ солъ свой или пископа, и *грамоту напиши съ правдою*, то и волость възмешь с добромъ" (Лавр. 245.), или въ слѣдующихъ словахъ описи царскаго архива, составленной въ концѣ XVI (см. А. Э. I. № 279): „приговоръ архіепископовъ и епископовъ, и всего собора и бояръ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ изъ городовъ и гостей отъ Ливонской землѣ: что государю за нее стояти, а Литовскому королю не поступатись; и тому приговору списокъ черной, а грамота у государя, — на чемъ государю *дали правду*" слово *правда* употреблено въ значеніи *присяги*. Въ слѣдующемъ мѣстѣ Воскресенской лѣтописи подъ 1530 г.: „и въеводы ихъ приведше по ихъ вѣрѣ къ *правдѣ*, что имъ государю великому князю послать добивати челомъ за свою вину.... да приведше къ *шерти* всѣхъ въ всей воли великого князя въеводы възвратишася въ своясн" (П. С. Р. Л. VIII. 237.) слово *правда* является синонимомъ *шерти* (присяги). Также и въ слѣдующемъ мѣстѣ I-ой Псков. лѣт. объ осадѣ Н. Новгорода Ахтякомъ и Шатамомъ въ 1399 г.: „а Татаре *правду даша*, что имъ никакова зла не чинити.... *клятву и роту* свою приступиша, градъ взяша и Нижегородцевъ всѣхъ пограбиша" (П. С. Р. Л. IV. 178). Въ томъ же смыслѣ *присяги* употреблено слово *правда* въ докончальной грамотѣ Новгорода съ Ганзою 1360—1387); въ этомъ документѣ относительно товаровъ, разграбленныхъ разбойниками, постановлено: „да оу гочкаго берега то юсмѧ с ними доконцалѣ *правдою* какъ мы и наши с тыхъ юсмѧ спустили на зень что ни в которою верема непоминать, то юсмѧ доконцалѣ с посломъ с ꙗковомъ и с иваномъ изъ

гоцкаго берега. На томъ ıаковъ да иванъ изъ любка да григорѣй да иванъ изъ гоцкаго берега хрть цѣловалѣ про тыи товаръ безъ хитрости“ (Доп. А. И. I. № 37).

6) Если обратимся къ „уставнымъ грамотамъ“ XIV—XVI столѣт. (см. *Загоскина*. Уставн. Грам.), а равно и къ Судебникамъ, встрѣтимъ слѣдующее выраженіе: и *на правду вдвое*; въ великокняж. Судебникѣ читаемъ; „А хоженого на Москвѣ площедная недѣльщику десятъ денегъ, *а на правду вдвое*... а ѣздъ недѣльщикъ емлетъ до котораго города, *а на правду имъ имати вдвое ѣздъ*. (А. И. I. № 105, стр. 151, 153, Ц. Судеб. стр. 45. (срав. стр. 51) и др. Здѣсь слово *правда* въ значеніи *разслѣдованія* (1). Несомнѣнное доказательство вѣрности подобнаго толкованія находимъ въ памятникахъ XVII в. Въ наказѣ прикащику Нижегородск. Печерскаго монастыря старцу Онуфрію, отъ 1658 г. (Доп. А. И. IV, № 43) читаемъ: „*а въ правдѣ, на кого пошлетца истецъ и отвѣтчикъ*, и съ тѣхъ имати *съ правды* съ своихъ по двѣ денги (ѣздъ—денга) съ человѣка, *а заволостная правда* по осми денегъ съ виновнаго“.

7) Во многихъ случаяхъ *правда* употреблена въ значеніи самого *свидѣтеля*: „И судьи велѣли ищеину Истомкину и отвѣтчикову Першину *правду* передъ собою, *Тимоѳея Селиванова да его племяннниковъ* поставити. И земской приставъ *правду*, *Тимоѳея* и *его племянниковъ* передъ судьями поставилъ. И судьи *спросили правды*, Тимоѳея и его племянниковъ: скажите вы, по государеву крестному цѣлованію“. Итакъ, *правду поставити*—значитъ представить свидѣтеля; мало того, оно можетъ значить поставить такого свидѣтеля, на котораго сдѣлана общая *ссылка съ суда* (срв. Даля, Толков. Слов. III. 391): такъ принимаетъ и проф. Загоскинъ въ въ своемъ объяснительномъ словарѣ къ изданію „уставныхъ грамотъ“.

8) Обращая вниманіе на слова Мстиславова договора 1229 г: „А се починокъ *правдѣ*: оже оубьютъ и т. д.“, мы

(1) Въ западно-русскомъ языкѣ вмѣсто *правда* употребляется слово *справа*: въ одномъ смоленскомъ *привилеѣ* XVI в. читаемъ: «а на милю дѣцкованія по грошу, *а коли на справу пошлются*—ино *по два гроши* на милю *на нихъ бирано* (Сбор. Мухан. № 85). Это говоритъ противъ толкованія этого выраженія проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, въ смыслѣ *присяги*.

видимъ, что слово *правда* значитъ вообще *договоръ*. Въ Готландской (окончательной) редакціи Мстиславова договора, въ предисловіи сказано: „на томъ мироу, ажбы миръ твьрдъ былъ, тако было князю любо и Рижанъмъ всемъ и всему Латинескому языку и всѣмь тѣмь, кто на Оустоко (Въстокъ) моря ходить, ажбы *нальзлъ правдоу*, то написати, како то держати Роуси съ Латинескымъ языкомъ (*правдоу*, а Латинескому языкоу съ Роусию держати *правду*), а Латинескому языкоу съ Роусию то держати, ажбыхомъ что тако оучинили. Здѣ починаеться *правда*“.

По свидѣтельству лѣтописи, Михаилъ Черниговскій, прощаясь въ 1229 г. съ Новгородцами и оставляя у нихъ княжить сына своего Ростислава, говорилъ: *„дай Богъ правда новгородская исправити“*, т. е. дай Богъ исполнить условія (договоръ) съ Новгородцами; онъ, вѣдь, по прибытіи въ Новгородъ, присягалъ Новгородцамъ: *ходити по Ярославлимъ грамотамъ*, а болѣ того не изневолити Новагорода. Эти „Ярославли грамоты“ есть уставъ прежнихъ князей. Въ словахъ велик. князя Всеволода Юрьевича отъ 1208 г. Новгородцамъ: „аще кого хощете жаловати, жалуйте, а кого хощете казнити, казните,—*такоже имате старый уставъ прежнихъ князъ въ васъ учиненъ, тако творите* (Никонов. II. 303) и въ словахъ Мстислава Мстиславича отъ 1210 г.: „слышахъ насиліе отъ князей въ васъ и того ради да пришелъ есьмь к вамъ, скорбя и тужа о своей вотчинѣ, о Новѣгородѣ, яко старыи сіи обычаи въ васъ измѣняются, прежнихъ князей *уставы*“ (ib. 307) мы находимъ ссылку на этотъ „уставъ“.

Мы, такимъ образомъ, при пособіи древне-русскихъ памятниковъ языка, уяснили, что *правда* есть *писанный законъ*. *Русская правда — русскіе писанные законы = судебникъ* (1).

Примѣч. Подробнымъ изученіемъ этого памятника мы займемся на практическихъ занятіяхъ.

Какъ извѣстно, русскій языкъ образовался подъ различными вліяніями Опытный знатокъ русскаго языка, составитель словаря В. И. Даль отмѣтилъ не подлежащій ни ма-

(1) Можно съ интересомъ прочесть о значеніи «правды» въ древней Руси въ статьѣ: о. Діева» О вирахъ у Россіянъ X и XI столѣтій; о. Діевъ объясняетъ *правду* какъ *«справедливо»*, въ смыслѣ *суда* и *суда Божія* (правда—желѣзо, поединокъ или поле); но отрицаетъ значеніе *присяги.* Любопытныя свѣдѣнія собщены въ предисловіи проф. Мрочекъ-Дроздовскаго къ его изданію «Русской Правды».

лѣйшему сомнѣнію фактъ, что „карелы, зыряне, пермяки, вогулы, вотяки, черемисы, *русъя переиначиваютъ* языкъ нашъ" ([1]). Другой изслѣдователь, строгій филологъ, авторъ цѣнной книги „Мысли объ исторіи Русскаго языка" (1850 г.), не утратившей своего научнаго значенія и нынѣ, покойный академикъ и профессоръ И. И. Срезневскій отмѣтилъ слѣдующее: „Пограничныя части народа Русскаго, смѣшиваясь съ народонаселеніемъ не-Русскимъ, отодвигали, въ продолженіе періода удѣловъ, народную границу Русскую на востокъ и на сѣверъ. *Сильно было и вліяніе Литовцевъ, Венгровъ, Поляковъ, Румуновъ и вліяніе степныхъ Ордынцевъ* ([2]). Уже послѣ періода удѣловъ и еще болѣе съ XVI — XVII вѣкъ границы языка Русскаго на западѣ, преимущественно на юго-западѣ стали опять раздвигаться и наконецъ дошли до береговъ Чернаго моря и Дуная. На сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ, хотя нѣкоторыя колоніи и были въ древнее время задавлены наплывомъ чужеродцевъ; но за то позже новыя колоніи промышленниковъ Русскихъ все болѣе увеличивались, все болѣе стѣсняли жилья прежнихъ обитателей, распространяли между ними знаніе Русскаго языка, въ замѣнъ ихъ природнаго, достигли морей Бѣлаго и Каспійскаго и хребта Урала, и потомъ перешли въ Азію. Исторія довольно подробно написала на своихъ страницахъ это и дальнѣйшее распространеніе Русскаго языка вмѣстѣ съ ходомъ развитія политическаго могущества Россіи. И кому неизвѣстно, какъ то, что дѣлалось прежде безсознательно торговымъ духомъ купцовъ Новгородскихъ и воинскимъ духомъ ватагъ Казацкихъ, получило новый характеръ, силу и прочность, съ тѣхъ поръ, какъ разселеніемъ Русскихъ и распространеніемъ Русскаго языка на востокѣ стало управлять правительство Русское, употребляя Русскій языкъ, какъ орудіе просвѣщенія и образованности. Нельзя при этомъ не замѣтить, что не смотря на разнородныя сближенія Русскаго языка съ иноплеменными въ очень немногихъ пограничныхъ краяхъ образовались тѣ смѣшанные говоры, въ которыхъ оба языка смѣшивающіеся одинаково тратятъ самостоятельность своего строя. Несравненно болѣе примѣровъ тому, что и Русскіе

---

(1) О нарѣчіяхъ Русскаго языка.

(2) Курсивъ принадлежитъ намъ.

переселенцы, при сближеніи съ инородцами, и инородцы, сближавшіеся съ Русскими, только обогащали свой природный языкъ словами для выраженія понятій и предметовъ прежде для нихъ чуждыхъ, и что за этимъ слѣдовало почти постоянно то, что инородцы принимали Русскій языкъ, *только примѣняя его къ своему выговору*" (1). Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ этого же изслѣдованія читаемъ: „*Русскій языкъ не можетъ быть разсматриваемъ исторически отдѣльно отъ другихъ соплеменныхъ нарѣчій и сродныхъ языковъ*" (2).

Это замѣчаніе всегда слѣдуетъ имѣть въ виду изслѣдователю Русскаго языка. Къ сожалѣнію, нѣкоторые его игнорируютъ. Это замѣтно въ трудѣ покойнаго проф. Колосова „*Очерк звуковых и формальных особенностей Русскаго народнаго языка*" (1878 г.) и въ трудѣ проф. Нѣжинскаго института г. Брандта „*Начертаніе славянской акцентологіи*" (1880 г.), въ которомъ онъ разсматриваетъ и русское удареніе. Если бы послѣдній имѣлъ въ виду вышеприведенныя слова И. И. Срезневскаго, онъ никогда противъ мнѣнія М. Н. Каткова относительно русскаго ударенія, высказаннаго въ замѣчательномъ для своего времени изслѣдованіи „*Объ элементахъ и формахъ Славяно-русскаго языка*„ „что сильное развитіе количества, которое замѣчается въ Чешскомъ языкѣ, слѣдуетъ считать чертою древности, и что отсутствіе количества въ Русскомъ языкѣ слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что оно скрылось въ удареніи, т. е. что нѣкогда *долгіе* слоги стали произноситься *съ удареніемъ*" не написалъ бы слѣдующихъ строкъ: „вѣра въ исконность чешскаго количества получаетъ сильный толчекъ (что это?) вслѣдствіе постояннаго противорѣчія его количеству сербскому, особенно въ слогахъ полногласныхъ: какое мы имѣетъ право, на основаніи чешскихъ vrāna, blāto, hrăd, vlăs, brāda, hlăva, предполагать древнія, общеславянскія формы врāна, блāто, грăдъ, влăсъ, брăда, глăва, когда Сербы произносятъ, какъ разъ наоборотъ, врāна, блāто, грāд, влāс, брāда глāва"? (3). Въ этихъ строкахъ невидно смысла, хотя авторъ старается подкрѣпить ихъ ссылкою на Миклошича „Vergleichende Gram. Lautlehre"

(1) Мысли объ исторіи Русскаго языка. стр. 35—6.

(2) Ibid. стр. 125.

(3) Начертаніе славянской акцентологіи, стр. 39.

(1852 г. стр. 391): въ самомъ дѣлѣ, какое отношеніе къ
замѣченной связи между русскимъ удареніемъ и чешскою
долготою имѣетъ противорѣчіе этой послѣдней долготѣ
сербскаго языка? Черезъ страницу тотъ же оппонентъ М. Н.
Каткова уже доказываетъ совершенно противное, когда го-
воритъ: „Мысль о существованіи нѣкоторой связи между
русскимъ удареніемъ и польскою, также чешскою и лужиц-
кою (т. е. вообще западнославянскою) долготою мнѣ и само-
му кажется *весьма правдоподобною*" [1]).

Для яснаго пониманія всѣхъ особенностей древне-рус-
скаго языка необходимо близкое знакомство съ современными
русскими нарѣчіями и поднарѣчіями, такъ какъ только при
такомъ условіи мы можемъ сказать, на сколько каждое изъ
нихъ участвовало въ образованіи современнаго литературна-
го языка.

Скажетъ кто-нибудь, что это излишне. Противъ подоб-
наго замѣчанія намъ приходится сказать слѣдующее. Не-
сторъ, противополагая „словенскому языку"(=народу) Ляховъ,
тѣмъ самымъ показалъ, что онъ различалъ ихъ языкъ. Зна-
ніе того, былъ ли одинъ языкъ и у всѣхъ другихъ перечи-
сленныхъ Несторомъ русскихъ племенъ: Полянъ, Древлянъ,
Новгородцевъ, Полочанъ, Дреговичей, Сѣверянъ, Бужанъ,
Волынянъ, или ихъ говоры были отличны—составляетъ pium
desiderium изслѣдователя древняго русскаго языка. A priori
можно, однако, сказать, что рѣчь этихъ племенъ не была
одинакова. Различія, несомнѣнно, были такія же, какія за-
мѣтны и въ такъ называемомъ старо-славянскомъ языкѣ;
послѣднее фактически подтверждено И. И. Срезневскимъ въ
его книгѣ *„Древне-славянскіе памятники юсоваго письма"*
примѣрами изъ старо-славянскихъ памятниковъ. Если точный

(²) Ibid. стр. 41. На стр. 313. проф. Брандтъ, забывъ о томъ, что имъ сказа-
но на стр. 41, снова возращается къ томуже вопросу и разсуждаетъ слѣдую-
щимъ образомъ: «Катковъ вовсе не утверждаетъ, чтобы русское удареніе
во всѣхъ случаяхъ было замѣнителемъ долготы, а выражается слѣдую-
щимъ образомъ: «если слово содержитъ въ себѣ слогъ долгій, то оно удер-
живаетъ на немъ удареніе, и удареніе въ этомъ случаѣ постоянно; когда
же напротивъ нѣтъ въ рѣченіи долгаго слога, удареніе является бѣг-
лымъ.» Однако и въ такомъ видѣ его мнѣніе о русскомъ удареніи не вы-
держиваетъ критики. Почему же? г. Брандтъ ссылается на несоотвѣт-
ствіе ударенія въ русскомъ и чешскомъ языкахъ въ словахъ на *акъ*, *ачъ* и
унъ (стр. 273—75); но, къ сожалѣнію, приведенные тамъ примѣры на *акъ*
и *учъ* доказываютъ мнѣніе М. Н. Каткова, а надъ чешскими примѣрами
на *унъ* (—oun) акцентъ вовсе не обозначенъ.

филологъ И. И. Срезневскій принялъ мнѣніе Шафирика, (1) что въ до-кирилловское время существовали различные говоры нарѣчій: болгарскаго и мораво-словенскаго, то одинаково правдоподобно будетъ признать и существованіе русскихъ говоровъ въ до-кирилловское время, а тѣмъ паче во времена Нестора.

Какого же метода мы должны держаться, при изученіи древне-русскаго языка?

Приступая къ обозрѣнію по древнимъ памятникамъ явленій древне-русскаго языка, мы должны всегда помнить, что не во всѣхъ случаяхъ они совпадаютъ съ явленіями современнаго русскаго языка; въ древнемъ языкѣ могли дѣйствовать такіе законы, которыхъ современный русскій языкъ не знаетъ; могли быть въ немъ такія слова и формы, которыя неизвѣстны современному русскому языку. Мы теперь говоримъ и пишемъ *меньшій*, *меньше*. Но встрѣчая въ „Вопросахъ" Кирика *мне* (меньше), можно полагать что въ старину такъ и произносилось нынѣшнее *меньше*. Если слово *чернець* въ XII в. несомнѣнно такъ произносилось, вмѣсто *чьрньць*, то форма род. пад. этого слова довольно долгое время была *черница*, а не *чернеца*. Въ словѣ *пришлецъ*=древ. *пришьльць*, *е* возникло изъ ъ вслѣдствіе ударенія, но форма род. п. была *пришелца*; въ I-ой Соф. лѣт. читаемъ: „*многы пришелца оутѣшивъ*". Въ словѣ *дѣтскій* намъ кажется немыслимымъ существованіе какой-нибудь гласной между *т* и *с*, а въ языкѣ лѣтописи мы находимъ: *бѣ дѣтескъ*". Тоже самое и въ названіяхъ городовъ: *Смолнъскъ*, (Ип. л. 389, 33) род. п. *Смоленска*, дат. п. къ *Смоленску* (Житіе Бориса и Глѣба (2), *Витбескъ* и *витъпескъ* (Лавр. 392), род. п. *Витебъска*, (Ип. л. 361 4), *Изборескъ*, р. п. *Изборска*, *Люческъ* (Ип. 388), р. п. *Лючъска* (Ип. л. 337, 29, 361, 21), *Свирилескъ*, *Свирилъска*, *Пинескъ* (Ип. л. 338. 4), род. п. *около Пиньска* (ib. 337. 33).

Въ своихъ выводахъ о древне русскомъ языкѣ мы должны основываться на памятникахъ, всего болѣе свободныхъ отъ традиціи церковно-славянскаго языка, каковы памятники конца XII, XIII и XIV вѣковъ. Эти памятники слѣдуетъ всего

---

(1) См. Слав. Древн. ч. II. кн. 1. стр. 78—79.

(2) Изд. С-Петерб. археолог. общ. стр. 85 а.

больше изучать для того, чтобы можно было получать болѣе вѣрную картину разницы между старымъ и современнымъ русскимъ языкомъ. Мы пишемъ и произносимъ *греческій*, не дѣлая никакого различія между первымъ и вторымъ *е*; а въ древне-рус. памятникѣ *„Вопросы Кирика“* мы находимъ *гречьстѣмъ,—бѣлечьскомъ* отъ *бѣлецъ*; но въ томъ же памятникѣ читаемъ: *грѣшенъ, Господенъ, легчае и лъжае*, или „запеньше ногою попѣхноули“ (60). Т. е. въ то время въ такихъ случахъ чувствовалась разница между *е* и *ѣ*.

Послѣ этого, вы можете себѣ представить, сколь трудна задача изслѣдователя *Исторіи Русскаго языка.* Ему приходится постоянно имѣть въ виду вліяніе церковно-славянскаго языка на русскій языкъ, а равно и вліяніе нарѣчій и говоровъ русскихъ, славянскихъ нарѣчій и языковъ чуждыхъ.

Трудность задачи увеличивается еще и тѣмъ, что изслѣдователь располагаетъ незначительнымъ матеріаломъ, къ которому онъ можетъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ.

Для яснаго пониманія *Исторіи Русскаго языка*, необходимо спеціальное изслѣдованіе о различныхъ вліяніяхъ на русскій языкъ, которое въ настоящее время еще невозможно по причинѣ недостаточности пригоднаго для этой цѣли матеріала. Ни покойный нашъ славистъ И. И. Срезневскій, ни извѣстный проф. Харьковскаго университета г. Потебня не въ силахъ были представить намъ всѣ особенности русскаго языка и ихъ посильное объясненіе. Первый свои наблюденія надъ русскимъ языкомъ свелъ къ замѣчательной программѣ занятій по этому предмету *„Мысли объ исторіи Русскаго языка“* (1850); а второй, сдѣлавъ важный шагъ впередъ на этомъ пути, въ своемъ важномъ изслѣдованіи *„О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“* (1866 г.) и др., не могъ сказать всего того, что слѣдовало.

Послѣ труда проф. Потебни, явилась книга покойнаго профессора Варшавскаго университета М. Колосова *„Очерк звуковых и формальных особенностей Русскаго народнаго языка“* (1878 г.). Книга эта заслуживаетъ вниманія занимающихся русскимъ языкомъ; свои замѣчанія и дополненія къ ней я представлю ниже, когда приступлю къ обзору особенностей современнаго русскаго языка. Теперь же, укажу на другой трудъ тогоже ученаго *„Обзоръ звуковъ и формъ Русскаго языка“*, въ которомъ довольно точно собранъ матеріалъ по древне-русскому языку изъ древне-русскихъ памятниковъ

и на очень замѣчательный разборъ его проф. Потебни „*Къ исторіи звуковъ Русскаго языка*“; а равно укажу на изслѣдованіе П. А. Лавровскаго „*О языкѣ сѣверно-русскихъ лѣтописей*“, на Грамматику Ѳ. И. Буслаева, на „*Росправу о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчахъ*“ (1849 г.) Головацкаго, на изслѣдованіе Лескина „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung“ (vol VI. по матеріаламъ, находящимся въ сборникѣ Рыбникова), на трудъ Е. В. Барсова „*О причитаніяхъ сѣверно-русскаго края*“, на статью Халанскаго „Черты народнаго говора Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи (Рус. Филологич. Вѣстникъ. Варшава), статью Благовѣщенскаго „Черты народнаго говора Тульской губерніи“ (тамъ же за 1880 г. кн. II и за 1883 г. I и др.), на статью В. Магницкаго ([1]) „Особенности говора въ уржумскомъ уѣздѣ, Вят. губ.“ статью Прядкина „О говорѣ села Сергѣевки, Воронежской губ. (Филологич. Зап. 1885 г.) и др. Всѣ эти пособія важны, хотя и не безъ недостатковъ.

На новѣйшемъ трудѣ по Исторіи Русскаго языка „*Очерки изъ Исторіи Русскаго языка*“ (Кіевъ 1884 г.) профессора Кіевскаго университета *А. Соболевскаго* ([2]) считаю необходимымъ подольше остановиться, такъ какъ въ немъ мы имѣемъ попытку опредѣленія степени участія галицко-волынскаго нарѣчія и псковскаго говора въ образованіи русскаго литературнаго языка.

Въ этомъ трудѣ проф. Соболевскій сдѣлалъ характеристику древне-русскихъ нарѣчій по письменнымъ памятникамъ. Здѣсь разсмотрѣны памятники галицко-волынскіе и псковскіе, и на основаніи ихъ опредѣлены особенности нарѣчій: галицко-волынскаго и псковскаго. Разсмотрѣніе памятниковъ перваго нарѣчія полнѣе, чѣмъ послѣдняго; для перваго авторъ заимствуетъ матеріалъ изъ памятниковъ церковной письменности (богослужебныхъ книгъ) и гражданскихъ актовъ.

Признавая въ общемъ эту работу основательною, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на самое главное:

([1]) См. Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ университетѣ. т. V. 1884 г.

([2]) Обращаетъ на себя вниманіе статья его же: «Смоленско-Полоцкій говоръ въ XIII—XIV в.»; въ этомъ говорѣ авторъ видитъ языкъ древнихъ Кривичей; но, впрочемъ, сознается, что онъ не былъ въ состояніи надлежащимъ образомъ охарактеризовать этотъ говоръ.

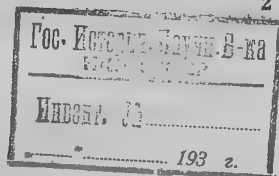
Говоря о переходѣ звука *е* въ *а* въ такихъ примѣрахъ, какъ: *умножѣнья, куръ глашѣнья* (Типограф. ев. № 6 и др.), авторъ замѣчаетъ, что это *а* изъ *е* сохраняется въ малорусскомъ нарѣчіи и до сихъ поръ, напр: *камiння, весiлля.* Но, однако, если авторъ въ примѣръ перехода *е* въ *а* приводитъ *умножѣнья, куръ глашѣнья,* то тѣмъ самимъ доказываетъ, что конечное *я* этихъ примѣровъ не непосредственно возникло изъ *е,* а черезъ посредство *ja.* Современныя же малорусскія формы *камiння, весiлля* сюда не подходятъ для сравненія; въ нихъ мы видимъ не единственное, а множеств. число: *камiнне* (собир.), мн. *камiння* (юж. ч., Гродн. губ.)— такъ что *я* (= *ja*) этихъ примѣровъ не развилось изъ *е,* а есть окончаніе множ. ч. Желательно имѣть иное объясненіе я (= *ja*) изъ *е* въ приведенныхъ примѣрахъ: *умножѣнья, куръ глашѣнья* = умножѣнье, куръ глашѣнье.

Увлекшись своей задачей, авторъ иногда возводитъ на степень непреложной истины то, что еще нуждается въ сильныхъ доказательствахъ, противъ чего говорятъ и источники, изъ которыхъ онъ черпаетъ свой матеріалъ. Такъ напр., авторъ слишкомъ рѣшительно утверждаетъ, что древній кіевскій говоръ былъ *совершенно* отличенъ отъ древняго галицко-волынскаго, основываясь единственно на томъ, что во всѣхъ памятникахъ XII—XV в., писанныхъ въ Кіевѣ, не находится систематическаго употребленія *ѣ* вмѣсто *е,* какое замѣчается, по его словамъ, въ галицко-волынскихъ памятникахъ, какъ: Добрилово евангеліе 1164, (хранится въ Румянцев. Музея, № 103), Типографское евангеліе № 7, XII в., Вѣнскій октоихъ, XII—XIII в., Галицкое евангеліе 1266—1301 г. (Имп. Публич. Библ. № 64.), Холмское евангеліе XIII—XIV в. (Румянцев. Муз. № 106.), Поликарпово евангеліе 1307 г. (Синодальн. библ. № 740.), Луцкое ев. XIV в. (Рум. муз. № 112), Градецкій отрывокъ XIV—XV в. (изданъ въ чешск. журн. „Časopis Českého Musea“ 1854 г. ч. XXVIII, стр 66. Ганкою) и др. Обращаемъ вниманіе сначала на стр. 2, гдѣ въ ряду примѣровъ съ *ѣ* изъ *е* (въ окончаніи *енье*) читаемъ: *знамѣнье, въ рожѣньи* и др., и потомъ на стр. 5—6, гдѣ читаемъ примѣры: *знаменье, движенья, осуженье, явленье.* Подобныхъ примѣровъ можно и больше указать. Послѣ этого, кажется, не зачѣмъ говорить о систематическомъ употребленіи *ѣ* вм. *е* въ галицко-волынскихъ памятникахъ. Мало то-

го, авторъ сравниваетъ встрѣчающіеся въ этихъ памятникахъ примѣры съ *ѣ* вм. *е* съ современными малорусскими формами, какъ *весѣлье* = малор. *весілле(я)*, *шѣстъ* = мр. *шістъ* и т. п. и тѣмъ, конечно, желаетъ доказать что 1) или *ѣ* въ подобныхъ примѣрахъ произносился какъ *і* современнаго малорусскаго нарѣчія, или 2) что писцы того стараго времени додумались до правила, рекомендуемаго нынѣ малороссамъ, дѣлающимъ ошибки противъ правильнаго употребленія *ѣ* въ современномъ литературномъ великорусскомъ языкѣ. Но ни то, ни другое не можетъ быть принято въ резонъ, такъ какъ древне-русскіе писцы (безъ различія мѣстностей) всегда имѣли въ виду правила старо-славянскаго правописанія. Спрашивается, зачѣмъ имъ было нужно ставить *ѣ* въ такихъ словахъ, какъ *весѣлье* и т. п когда по старо-славянскому правописанію эти слова пишутся: *веселие*, Очевидно, что постановкою *ѣ* писцы хотѣли отмѣтить мягкость произношенія, при чемъ не заботились о соблюденіи старо-славянскаго правописанія, въ которомъ они были не вполнѣ тверды. Подобнымъ образомъ, ставя *ѣ* въ словахъ: *небесѣ*, *словесѣ* (въ памятникахъ южно русскихъ и сѣверно-русскихъ, какъ напр. Погодинскій кондакарь XII в. подъ № 43 въ Имп. Публич. Б. и Румянцевскій XII—XIII, № 104, также: Жит. Бор. и Глѣба, XIV в. стр. 90, б. 110 и др.), писцы желали этимъ отмѣтить мягкость произношенія. Намъ бы казалось, что *ѣ* въ нѣкоторыхъ (если не во всѣхъ) изъ указанныхъ примѣровъ есть мягкое *е*, въ которое, какъ замѣчаетъ самъ авторъ (стр. 89), перешелъ звукъ *ѣ* въ меньшей части малорусскихъ говоровъ. Было бы желательно, чтобы были подобраны примѣры перехода древняго *ѣ* въ *и* (*і*), присвояемаго большей части малорусскихъ говоровъ (ib). Мы незнаемъ, къ какой изъ двухъ группъ малорусскихъ говоровъ проф. Соболевскій склоненъ отнести указанные примѣры: *весѣлье* = *весілле*, *шѣстъ* = *шістъ*; но его объясненіе, какъ могъ возникнуть *ѣ* въ этихъ примѣрахъ, мы считаемъ неудовлетворительнымъ. Дѣло вотъ въ чемъ: авторъ предполагаетъ (стр. 89), что, съ исчезновеніемъ ъ, произошло удлиненіе *е*, и слова эти стали звучать *шēст*, *весēліе*: такимъ образомъ образовавшееся долгое *е* стали изображать на письмѣ черезъ *ѣ*. Исходя изъ такого положенія, слѣдовало бы допустить, что съ возвращеніемъ ъ—а должна бы возстановиться форма *шестъ*: въ малорусскомъ нарѣчіи,

дѣйствительно, ъ является въ концѣ этого слова, которое, все таки, имѣетъ форму *шістъ*, а не *шіст* изъ преполагаемой авторомъ формы *шѣст—шѣст* (изъ *шестъ*). Имѣетъ ли здѣсь ъ какое-нибудь вліяніе? Несомнѣнно, не имѣетъ; равно какъ и отпаденіе (въ произношеніи) ъ—а въ словѣ *словесемъ* не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на появленіе ѣ въ примѣрѣ *словесѣмъ* (дат. мн. Типограф. ев. № 6,—стр. 90). Авторъ сравниваетъ съ этимъ примѣромъ сохраненную малорусскую (собственно украин.) форму *людім*, а, вѣроятно, не знаетъ о существованіи формы *людюм* и *людём* (брест. литовскій и кобринскій уѣзды, Гродненской губерніи). Вторая изъ указанныхъ мною формъ дополняетъ то, что сказано авторомъ о новомъ ѣ (т. е. образовавшемся изъ *е* уже на русской почвѣ); если она и подходитъ къ указываемому авторомъ переходу новаго ѣ въ *о*, то все же это нѣсколько иная модификація.

Судьба звука ѣ признается проф. Соболевскимъ существенною особенностью галицко-волынскаго нарѣчія, которое онъ въ одной своей статьѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ" Варшава. 1884 г., подъ заглавіемъ „*Два древнихъ памятника галицко-волынскаго нарѣчія*" называетъ *родоначальникомъ современнаго малорусскаго языка*. Непонятно, какъ галицко-волынское нарѣчіе могло распространиться по всей южной Россіи и когда это случилось?! Но продолжимъ рѣчь о звукѣ ѣ. Въ древнѣйшій періодъ, говоритъ проф. Соболевскій, до конца XI в. ѣ склонялся къ *и*. Эту особенность, говоритъ онъ, галицко-волынское нарѣчіе раздѣляло съ говорами—новгородскимъ, псковскимъ и кіевскимъ. Ставя вопросъ, почему слѣдуетъ галицко-волынское нарѣчіе называть *нарѣчіемъ*, мы переходимъ къ тому, что говоритъ авторъ о судьбѣ ѣ въ псковскомъ говорѣ, который у него разсмотрѣнъ только по памятникамъ церковной письменности (богослужебнымъ книгамъ). Подобный матеріалъ не всегда можетъ быть пригоднымъ въ рѣшеніи вопроса о народномъ говорѣ, даже и въ томъ случаѣ, если бы доподлинно было извѣстно, что онъ былъ писанъ въ Псковѣ. Но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ и такой увѣренности. Признать, что Лукино евангеліе 1409 г. (Москов. Синод. библ. № 17) *несомнѣнно* (какъ замѣчаетъ проф. Соболевскій на. стр. 142) писано въ Псковѣ—нѣтъ основанія; изъ слѣду-

ющаго мѣста записи этого евангелія: „въ лѣ ѕ. ѡ. ꙁі. написано бъі юоулаю се къ стомоу николѣ. и манастъıрь на завеличьıе повелениюмь раба бию феодора черньца прі кнзи великомь всею руси. васильи ([1]) дмитріевицн. а при митрополите купрнiане. а при влцѣ новгорододьскомь иване etc.“ никакъ нельзя заключать, чтобы оно было писано въ Псковѣ. Точно также, на основаніи того, что апостолъ 1307 г. (Москов. Синод. библ. № 722) и Прологъ 1383 (Москов. типогр. б. № 367) писаны, по словамъ автора (стр. 142), для псковскихъ монастырей *(хотя изъ записей это не видно)*, или что отрывокъ евангелія XIV в. (Москов. типогр. б. № 15), составляетъ начало рукописи, заключающей въ себѣ церковно-славянскую такъ называемую „Саввину“ книгу (л. 25—151) и ея русское продолженіе (XI—XII в. (Сл. 152—163), которая принадлежала псковскому Сереткину монастырю, еще нельзя утверждать, что они дѣйствительно писаны въ Псковкой области. Только Параклитики 1369 г. (Москов. Синод. библ. № 837) и 1386 г. (Москов. Синод. б. № 838) имѣютъ несомнѣнныя доказательства того, что они писаны въ Псковѣ. Къ нимъ то мы и обратимся, съ цѣлью провѣрить, дѣйствительно ли особенность галицко-волынскаго нарѣчія—наклоненіе *ѣ* къ *и* можетъ считаться особенностью псковскаго говора.

Въ примѣръ перехода *ѣ* въ *и* авторъ приводитъ изъ Параклитика 1369 г. *на лони аврамли* 36 об. и *смѣрениюмъ* 119. (стр. 126). Первый примѣръ можно считать идущимъ къ дѣлу, но второй напротивъ—скорѣе служитъ примѣромъ вліянія послѣдующаго слога на предъидущій-вм. *смерениюмъ*; изъ Параклитика 1386 г. авторъ приводитъ лишь одинъ примѣръ: *свириль* 82 об. (стр. 133); но возводитъ единичные примѣры въ характерную особенность никто не имѣетъ права. Дальше, если Типографская псалтырь XIV в. № 34 имѣетъ всѣ тѣже палеографическія особенности, что и Параклитикъ 1369 г. (какъ говоритъ самъ пр. Соболевскій стр. 133), то почему въ ней не оказывается замѣны *ѣ* черезъ *и*? (Примѣровъ такой замѣны изъ этой рукописи не находится въ изслѣдованіи уважаемаго проф. Соболевскаго). Нѣтъ этой за-

---

([1]) у проф. Соболевскаго напечатано *висильи*. Несомнѣнно, опечатка.

мѣны и въ отрывкѣ Евангелія XIV в. (Москов. типогр. б. № 15). Приводимые авторомъ примѣры: *„при законопрѣступнѣцѣ* (Прологъ 1383 г.); *свѣдители* (Типограф. псалтырь № 35. XV в. и Лукино евангеліе) *свѣдительство* (Лук. ев.) (¹) скорѣе могутъ быть объяснены точно также, какъ *„смѣреніемъ“* (см. выше) и простою перестановкою.

Считаю нужнымъ подкрѣпить свое мнѣніе примѣрами изъ памятниковъ не южно-русскаго письма. Въ Палеѣ XIV в. Софійской Новгородской библіотеки, нынѣ принадлежащей С.-Петербургской Духовной Академіи, читаемъ: *всихъ, увидити* (Тихонравовъ, Памятники I. 104, 108); въ Сильвестровскомъ сборникѣ: *видилъ, видивъ* и др.; въ Новгородскомъ требникѣ, XIV в., изданномъ Обществомъ Люб. Древ. Письменности, находимъ *свѣдиние, свидении твоихъ, прилипихся, на мисти, въ ризу нетлинія, руци твои, наслидникомъ.* Равно въ грамотахъ Двинской земли XVI в. находимъ: *сусидъ, симянъ, владити, насияной рожью“.* Въ Ипатьевской лѣтописи (не по южному списку) читаемъ: *видити,* (86), *видиша* (73, 74), *нѣльзи* (418), *прибижище* (403). Единичные подобные примѣры встрѣчаемъ и въ болѣе древнихъ памятникахъ, какъ Изборникъ 1073 г. : *изцили*; въ „Словахъ“ Григорія Богослова XI в. : *съ стины*; въ Минеѣ 1096 г. : *терпиніе, лицемирьствовавъ“* и въ Юрьевскомъ евангеліи XII в. : *идяаху* вм. *ѣдяаху* (²).

Прим. Подобную особенность древне-русскихъ памятниковъ слѣдуетъ имѣть въ виду, при объясненіи такихъ словъ современнаго русскаго языка, какъ *дитя*, которое возникло изъ *дѣтя* отъ гл. *дѣяти, ангилъ* (Сильвестров. сбор. XIV в. об. л. 172), вм. ангелъ (срв. *ангилъ*, Слов. Даля и Магницкаго „Особенности русскаго говора въ уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губ.“ въ Изв. Общ. Арх. etc. при Казан. унив.), *виздѣ* вм. *вездѣ* (ibid), *здись* вм. *здѣсь, сивиръ* вм. *сѣверъ* (ib.), *симя* вм. *сѣмя* (ib.),

---

(¹) Незнаемъ, что можетъ доказывать примѣръ «*прѣставлениѥ ѥже ѿ новаго*» (Лук. ев.) (стр. 141 изсл.). Авторъ, значитъ, считаетъ правильною форму *приставлениѥ*?

(²) Въ обясненіе можетъ быть принято обратное явленіе—*ѣ* вм. *и* въ живомъ говорѣ; такъ, въ уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губ. говорятъ: «*въ клѣтѣ*, вм. въ клѣти, *въ костѣ* вм. въ кости и *въ грезѣ* вм. въ грязи (Магницкаго, «Особенности русскаго говора въ уржумскомъ уѣздѣ» (Изв. Общ. Археол. при Каз. ун.).

снигъ вм. *снѣгъ* (ib.), но *снѣжица*, вода изъ-подъ растаявшаго весною снѣгу (ib.), *стикло* вм. *стекло* (ib.).

Если мы вспомнимъ, что сказано выше о *ѣ* въ такихъ примѣрахъ, какъ: *небесѣ*, *словесѣ* (изъ памятниковъ галицко-волынскихъ) и обратимъ вниманіе на примѣры изъ апостола 1307 г. (отнесеннаго пр. Соболевскимъ къ памятникамъ псковскимъ): съ нбсѣ 28 и др., ѿ нбсѣ 21. (стр. 120), если обратимъ вниманіе на примѣры : ѿ *менѣ* (2 и 5), *одѣсную мънѣ* (ib.) и др.; то можемъ придти лишь къ тому выводу, что черезъ *ѣ* писцы изображали мягкое произношеніе. Замѣчаемыя неточности объясняются вліяніемъ оригиналовъ, съ которыхъ они списывали и въ которыхъ *мене* никогда не писалось черезъ *ѣ*, такъ какъ, согласно особенности старо-славянскаго языка, оно звучало *мэнэ*, какъ и въ современномъ болгарскомъ языкѣ; русскій же писецъ писалъ *мънѣ*, потому что такъ произносилъ это слово; иногда же онъ писалъ *менѣ*, по вліянію старо-славянскаго правописанія въ оригиналѣ.

Также и писецъ 2-го Чудовскаго сп. „Русской Правды" писалъ *ѥхати* вм. *ѣхати*, потому что произношеніе *ѣ* совпадало съ произношеніемъ ѥ ([1]); также и писецъ Ипатьевской лѣтописи писалъ *черноризѣцъ* (424, и *черноризицъ*) вм. *черноризецъ*, *купѣцъ* вм. *купецъ*, потому что *е* въ суф. *ецъ* произносилось мягко.

Совершенно аналогичное явленіе представляетъ употребленіе въ древне-русскихъ памятникахъ іотованнаго ѥ въ такихъ случаяхъ, гдѣ по правиламъ церковно-славянскаго языка слѣдуетъ быть неіотованному *е* и наоборотъ. Такъ, въ Изборникѣ Святослава мы находимъ: *нѥбо* (28 л.), *тѥбѣ* въ Слуцкой псалтыри XI в. : *его* и *ѥго*, *еси*; въ памятникѣ новгородскаго письма—Путятиной минеѣ: *колѥсе*, въ минеѣ Софійской : *иноплѥменьникъ*, *тѣлѥснаꙗ*, *вьсѥꙗ*, *на колѥсѣ*; въ памятникѣ, несомнѣно южно-русскаго письма, Добриловомъ евангеліи 1162 г. : *знамѥнье*, *клѥвре҃та станѥть*, *погыбнѥть*, *възлѥже* и др.; въ сборникѣ Успенскаго собора, XII в. *оклѥвета* и др. Подобное явленіе представляютъ и другіе древне-русскіе памятники.

([1]) См. Изданіе этого сп. въ «Изслѣдованія о Русской Правдѣ». *П. Мрочекъ—Дроздовскаго* вып. II., стр. 75.

Мы нѣсколько подольше остановились на попыткѣ проф. Соболевскаго представить характеристику древне-русскихъ нарѣчій, чтобы показать, насколько слѣдуетъ быть осторожнымъ въ рѣшеніи подобныхъ трудныхъ вопросовъ. Чтобы общедоступнѣе и яснѣе представить результатъ разсмотрѣннаго изслѣдованія проф. Соболевскаго, я обращаю Ваше вниманіе на слѣдующее: если признать вмѣстѣ съ проф. Соболевскимъ, что галицко-волынское нарѣчіе— этотъ зародышъ, по его же словамъ, малорусскаго нарѣчія— распространилосъ въ Кіевской области и цѣлой южной Россіи; то съ такою же вѣроятностію слѣдуетъ принять, что оно съ теченіемъ времени сдѣлаетъ подобный же успѣхъ и въ Московской области и т. д., Полагаю, что въ результатѣ мы имѣемъ нѣчто невѣроятное....

II. Кромѣ того, для болѣе правильнаго пониманія древне-Русскихъ памятниковъ, необходимо ознакомиться съ современнымъ состояніемъ русскаго народнаго языка. Особенность какого-нибудь современнаго русскаго нарѣчія или поднарѣчія объяснитъ ту или другую форму древне-русскаго языка.

Предъ нами упомянутая уже книга проф. Колосова *„Очерк звуковых и формальных особенностей Русскаго народнаго языка“*, которая даетъ очень хорошія свѣдѣнія по Русскому народному языку. Съ своей стороны я считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія и поправки, которыя, для большаго удобства, распредѣляю въ порядкѣ слѣдованія разсматриваемыхъ въ ней вопросовъ (¹).

Свои наблюденія надъ судьбою глухихъ звуковъ въ Русскомъ языкѣ проф. Колосовъ резюмировалъ слѣдующимъ образомъ: „Современный русскій языкъ, как и древній, ставит, обыкновенно, на мѣстѣ *ъ—о*, на мѣстѣ *ь—е*. изрѣдка *и*“ (стр. 7).

По нашимъ наблюденіямъ, слѣдуетъ еще прибавить замѣну *ъ* черезъ *ы*, и *ь* черезъ *а* : если въ примѣрахъ, какъ ***Владымірѣ***ı вм. ***Владимірѣ*** и т. п. (стр. 4) справедливо слѣдуетъ видѣть слѣдствіе пѣсеннаго растяженія слоговъ, то замѣну *ъ* черезъ *ы* въ глаголахъ, сложныхъ съ предлогами, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ былины „Илья Муромецъ“:

(¹) На дняхъ вышла книга г. *Карскаго* «Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской речи», съ которою мы не успѣли еще познакомиться.

„*Выстань*-ка, поди и умойся
И пойдешь, и напиться намъ принесешь.
И сталъ *выставать* на ноги свои,
Высталъ и пошелъ“ (Сбор. Рыбникова, вып. II стр. 2)

нельзя, кажется, объяснять однимъ пѣсеннымъ растяженіемъ, такъ какъ для стиха одинаково хорошо было бы и *востань-ка* изъ *въ-стань* (и едва ли изъ *възъстань*). Существованіе *ы* въ приведенныхъ примѣрахъ можно бы объяснить, какъ исключеніе изъ правила относительно измѣненія неударяемаго *о* въ *а*, въ случаѣ нахожденія его во второмъ слогѣ отъ ударяемаго. Какъ исключенія—довольно рѣдкія изъ этого правила, г. *Потебня* приводитъ примѣры изъ Тамбовской губ.: *г҆разда-ли, сы вѐчира, пышо́лъ* (¹). Но тогда мы въ приведенныхъ выше примѣрахъ изъ былины имѣемъ случай, подходящій подъ эти исключенія въ словахъ - *выстань*, *высталъ*, и въ тоже время случай, сюда не идущій, въ словахъ *пошелъ*, *пойдешь*. Какъ же согласить подобное разногласіе въ устахъ одного и тогоже человѣка?—Колосовъ предложилъ такое свое мнѣніе по этому вопросу: „переходъ неударяемаго *о* въ *ы* есть явленіе кажущееся, а не дѣйствительное: не *о* переходитъ в *ы*, а возникшее изъ него по извѣстному закону южно-великорусской фонетики *а*: *кыза*, напр., не непосредственно из *коза*, а через форму *каза* (Очерк... стр. 97); тогда, значитъ, *выстань* разсматриваемаго примѣра возникло изъ *вастань*. Но это объясненіе не устраняетъ камня преткновенія: почему же и не *пышолъ?* Да къ томуже оно не выдерживаетъ критики. Всякій, конечно, признаетъ шаткимъ приводимое Колосовымъ основаніе этого его мнѣнія, что „ударяемое *о* в южно-великор. говорѣ не переходит в *ы*“, что „не знаетъ этого перехода и неударяемое *о* в сѣв. великор. и малорусском“, такъ какъ имъ проведена здѣсь аналогія между явленіями при совершенно различныхъ условіяхъ: потому-то совсѣмъ неясно, какъ это вдругъ выходитъ, что „и то *ы*, которое стоит на мѣстѣ *о*, предполагает измѣненіе послѣдняго на *а*“ (ib.). *Колосовъ* не призналъ мнѣнія проф. *Потебни* по этому вопросу, но его собственное мнѣніе ни

(¹) См. Два изслѣдованія, стр. 61.

на чемъ основано. Понашему мнѣнію, *ы* въ словахъ—*выстань*, *высталъ* не есть изъ *о* или *а*, а изъ *ъ*: въ Сильвестровскомъ сборникѣ XIV в. предлогъ *въ* написанъ *вы* (*вътръта*, л. 194)(1), *съ* написанъ *сы* (паматьимуще *сы* похвалами (Жит. Б. Г. 55, б.).

Относительно замѣны *ь* черезъ *а*. Въ словѣ *сарцо*= срьдце Колосовъ не призналъ замѣны *ь* чрезъ *а*, на томъ-де основаніи, что „записывавшій, *не точно* передал слышанные имъ звуки, а лишь приблизительно. Быть можетъ“—продолжаетъ онъ далѣе—„между *с* и *р* въ этомъ словѣ вѣрнѣе бы поставить глухой звукъ“, а затѣмъ категорически утверждаетъ: „такой замѣны (*ъ* на *а*) никогда не знал древне-русскій язык и не знает современный на всем пространствѣ его нарѣчій и говоров“ (стр. 7). По нашему мнѣнію, здѣсь упущенъ изъ виду одинъ сплошь и рядомъ повторяющійся въ южно-великорус. нарѣчіи примѣръ; въ Нижнедѣвицкѣ (Воронеж. губ.) говорятъ: пашаница, пашано (см. образецъ Нижнедѣвицкаго говора въ статьѣ В. И. Даля „О нарѣчіяхъ“) = Остроміров. *пъшеница*, Несторов. *пъшено* (2), отъ глагола пьхнѫти: корень *пъх*=санкритск. pïš—terere conterare (3). И въ пѣсняхъ читаемъ: „Корми ты его тѣстомъ пашеничнаимъ (Кирѣев. вып. І. стр. 25).

Къ тому, что сказано авторомъ книги „о Русскомъ языкѣ“ о преобладаніи формъ съ смягченіемъ, перенесеннымъ на *с* суфф. *ьск* въ малорус. нарѣчіи (ibid. стр. 11), слѣдуетъ прибавить тотъ фактъ, что въ этомъ нарѣчіи находятся примѣры съ смягченіемъ въ согласной передъ суффиксомъ *ьск* и въ *с* суффикса *ьск* одновременно. Такъ, малороссъ (Гродн. губ. уѣзды брест. и кобр.) говоритъ: паньські, христыяньські, королевські. Такое произношеніе оправдывается и исторіей Русскаго языка; въ перечнѣ подчиненныхъ кіевскому митрополиту епископій, помѣщенномъ въ концѣ одной рукописи начала XVI в. (1519 г.) читаемъ: а҃ Володимерьськаа, а҃і.

(1) Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ (изд. Имп. Археолог. Общ. 1860 г. стр. VIII.

(2) Житіе св. Θеодосія въ «Чт. 1879. І. листъ 25 об. а.

(3) Срв. монографію проф. *Ягича* «Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku», отд. оттискъ изъ IX-ой кн, «Rada Jugosl. Akad.», стр. 48—9,

Подольськая", на ряду съ „Тжровьская, Смоленьскаа, Полотскаа, Рязанскаа" ([1]).

Для большей точности справедливо поставленнаго положенія, что „второе полногласіе представяетъ черту, свойственную всему русскому языку, а не только одному сѣв. великорусскому нарѣчію" (стр. 38), основаннаго на существованіи полногласнаго слова *молонья* (сѣв. великорус.), *мóланья* и *маланья́* (южн. вел. рус.). слѣдуетъ указать на полногласную форму этого же слова въ малорусскомъ нарѣчіи—*мала́нка* (маланка те убыла—брест. у. Гродн. губ.); а равно обратить вниманіе и на форму *коровать=кровать* (Курской губ., старо-оскольскаго у.) ([2]): Къ составленному почтеннымъ проф. *Потебнею* списку словъ втораго полногласія (см. „Къ исторіи звуковъ..." стр. 92—4) прибавлено Колосовымъ четыре слова (стр. 39); слѣдуетъ еще внести въ этотъ списокъ *Астаракань*=Астрахань (орда *Астараканская* — постоянно въ сказкѣ про новгородца Акундина—см. „Сказки" Сахарова, въ Прилож. къ 5 вып. пѣсенъ Кирѣевскаго стр. XLIX и слѣд., въ Историч. Актахъ—*Астарахань*). Говоря, затѣмъ, о сохраняемости въ сѣв. великорус. нарѣчіи многихъ полногласныхъ формъ (стр. 50), автору слѣдовало привести слово *оболока*; на первой стр. 2-го вып. „Сборника пѣсенъ" Рыбникова читаемъ:

Ай же ты, Микулушка Селяниновичъ!
Была у тебя кобыла Подыми—голова.
Заздынула она голову подъ *оболоку*;

изъ словаря В. И. Даля слѣдовало заимствовать полногласное слово *шоломя* (горка, пригорокъ, холмъ, курганъ, возвышенность).

Въ параграфѣ „смѣшеніе звуковыхъ категорій" (стр. 89) авторъ книги „о Русскомъ народномъ языкѣ" относительно смѣшенія *е* приводитъ слѣдующую градацію: *е*=*и*=*ю*(*'у*), но не указываетъ смѣшенія *е* съ *у*: струмену, стру-

([1]) См. Сказанія объ Антихристѣ въ славян. переводахъ *И. И. Срезневскаго*, стр. 55. Примѣръ изъ вятскаго говора—стаськивать=стаскивать (статья Магницкаго) сюда, конечно не подходитъ; но примѣръ—*Христосъкеё яйцо* (яйцо, оставшееся лишнимъ послѣ христосованія семейныхъ въ первый день Пасхи, іb.), сюда вполнѣ подходитъ.

([2]) *Кахановская* «Нѣсколько русскихъ пѣсенъ" (Рус. Бес. 1856 г.).

Хоть я и свалюсь,
То къ свекру на дворъ
Другу въ коровать,
Стану обнимать,
А онъ цѣловать... (стр. 87.).

мени (Рыбн. II стр. 7), струмена (ib. 18). Слѣдовало бы, при этомъ, объяснить форму *асу* (Говорилъ *асу* надежа государь царь—Рыбн. II. 236, также 237 и друг.), которую издатель приравниваетъ къ *еси*, есть; а равно указать и на такой примѣръ, какъ *вострейному* (И по тому ножу вострейному—Рыбн. II. 50), въ которомъ слѣдуетъ, кажется, видѣть замѣну *вострёному*.

Основываясь на „Двухъ изслѣдованіяхъ“ проф. Потебни (см. стр. 57—8), авторъ (стр. 114) утверждаетъ, что малорусское нарѣчіе сходится съ бѣлорусскимъ относительно измѣненія *ій* на *ей*, которое бываетъ только въ именит. пад. ед. ч. муж. рода и родит. множ. ч. Но это не вѣрно: приведенные авторомъ примѣры изъ бѣлорус. нарѣчія—*воробей, соловей* малороссъ произнесетъ *воробій, соловій*, (брест. уѣз.); а въ родит. пад. множ. числа *ей* изъ *ій* выдерживается и въ малорус. нарѣчіи: людей, свиней.

Неясно, какъ слышимое въ Олонецкой губерніи слово *скаміечка* (на скаміечку) приравнено къ *скамійечка*; примѣръ этотъ приведенъ въ подтвержденіе того, что и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи находятся слова *съ ій* тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать *ей* (стр. 115); *скаміечка*, несомнѣнно, вм. *скамеечка*, которое разлагается такъ: *скаме-еч-ка=скамъ-еч-ка* отъ *скамь-я*; ясно видно, что *і* въ *скаміечка* стоитъ вмѣсто *е* изъ *ѣ*, и слѣдовательно *іе* въ *скаміечка* нельзя приравнивать къ *ійе*. Полагаемъ, что и примѣръ *о вирію* нельзя приравнивать къ *о вирійу* (ib.). Непонятно для насъ и сопоставленіе слѣдующихъ фактовъ. Слышимое въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи (въ моложскомъ уѣздѣ) „из *ушій*“ приведено въ примѣръ того, что *ій* здѣсь стоитъ вм. *ей* (1); а о слышимомъ въ южно-великорусскомъ нарѣчіи (въ курскомъ уѣздѣ) - *тучій* высказано предположеніе, что оно *несомнѣнно из тучей* (стр. 115); равно какъ и слышимое тамъ же *княгинію* признается произшедшимъ непосредственно изъ *княгинею*. Спрашивается, на чемъ могъ авторъ основывать такое разграниченіе этихъ трехъ указанныхъ примѣровъ? и почему затѣмъ въ словѣ *лиціяк* (линеекъ) онъ усмотрѣлъ примѣръ (впрочемъ единичный) сохраненія *ій* тамъ, гдѣ бы слѣдовало ожидать *ей*? Слѣдовало пояснить, почему нужно

(1) Впрочемъ, авторъ сдѣлалъ оговорку: здѣсь *ій* есть или сокращенное первичное *ій*, или оно развилось изъ *ей*; но оговорка эта ничего не уясняетъ.

одни изъ приведенныхъ выше примѣровъ объяснять такъ, а другіе иначе. Поэтому, мы вправѣ съ сомнѣніемъ относиться къ положенію, что „въ южно-великорусскомъ говорѣ нѣтъ случаевъ употребленія *ій* тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать *ей*“. Наше сомнѣніе пріобрѣтаетъ нѣкотораго рода устойчивость въ виду того, что подобное явленіе—*ій тамъ, гдѣ бы слѣдовало ожидать ей* — нечуждо и малорусскому нарѣчію. Слѣдующіе, приведенные авторомъ, три примѣра изъ сѣвер.-великорусскаго нарѣч.: *Тимофій*, *Матвій*, *выпій* произносятся въ сѣв.-малорусскомъ нарѣчіи (брест. уѣздъ, Грод. губ.) *Тимохвій*, *Матвій*, *выпий*; но—*двере́й*, *сусі́дій*, которымъ въ сѣв.-великорус. нарѣч. соотвѣтствуютъ *дверій сусідій* (въ молож. уѣздѣ). Ясно, что это такое явленіе, которое не условлено ни ударяемостью слога, ни неудадаряемостью его.

Говоря о сокращеніи *и*, *е* (иногда) въ *й* при условіи, когда имъ предшествуетъ другой гласный звукъ, Колосовъ привелъ примѣры изъ великорус. и бѣлорус. нарѣчій, но ни одного изъ малорусскаго, между тѣмъ какъ въ немъ мы имѣемъ и совершено тождественное явленіе относительно звука *и*: *пойшла*, *ийшла*, *пойшовъ*, *прійшовъ*, и совершенно различное относительно звука *е*: не *мойму*, *мойго*, а *мому*, *мого* и т. п., но *моихъ*. Несомнѣнно, формы эти образовались черезъ выпаденіе *й* изъ *е*. Что дѣйствитеьно это такъ было, доказываютъ такіе примѣры, какъ *Михалъ* изъ Михаилъ, чрезъ Михайлъ—*Михаилъ*.

На стр. 123 авторъ книги „О Русскомъ народ. языкѣ“ говоритъ, что формы—*пэхалъ*, *пэхали* (муром. уѣздъ) нельзя выводить непосредственно изъ основныхъ съ *оѣ*=*ое*=*ойе*. Не условлены ли онѣ—продолжаетъ далѣе—выпаденіемъ *й* и не являются ли онѣ изъ *поэхалъ* и т. д.? Тутъ очень неясно: разъ сказано что *э* въ *пэхалъ* не призошло непосредственно изъ *ойе*=*ое*=*оѣ*, и затѣмъ тотчасъ же сдѣлано предположеніе, что оно произошло чрезъ выпаденіе *й*, конечно, изъ сочетанія *ойе*. Очевидно, въ этихъ словахъ автора проглядываетъ противорѣчіе. Мнѣ кажется, можно допустить слѣдующее объясненіе появленія *э* въ *пэхалъ* и т. п. Въ устахъ дитяти пишущему эти строки довелось замѣтить произношеніе *піѣхалъ піѣхали*, но при томъ съ такимъ незамѣтнымъ присутствіемъ *і*, что скорѣе можно изобразить это произношеніе черезъ *пѣхалъ пѣхали*, или вѣрнѣе - *пѥхалъ*; *пѥхали*. Кажется, что

аналогію съ указываемымъ мною примѣромъ предствляетъ приводимое Колосовымъ *пэхалъ*, съ однимъ лишь отличіемъ, что въ послѣднемъ твердое произношеніе. По нашему мнѣнію, замѣченная у дитяти форма *пъхали—пєхали—піъхали* возникла изъ *пйъхали*, а эта изъ *пойъхали*. Подобное происхожденіе мы признаемъ за формою *пэхалъ*; стоитъ при этомъ только помнить, что въ малорусскомъ нарѣчіи *ѣ*= не только *i*, но *и*=*е*=*э* (1).

Говоря объ опущеніи начальныхъ гласныхъ въ великорусс. и бѣло-рус. нарѣчіяхъ (стр. 125), Колосовъ не упомянулъ о подобнымъ же явленіи и въ малорусскомъ нарѣчіи, въ которомъ оно довольно распространено; малороссъ (въ Гродн. губ. въ уѣздахъ брест. и кобрин.) говоритъ: *грае, грають, спужався* (на ряду съ польск. злякався); значитъ—совершенно сходно съ куряниномъ и каргопольцемъ (см. книгу Колосова стр. 125); согласно съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ и въ малорусскомъ всегда *и* въ предлогѣ *изъ* выпадаетъ: з лісу, з ха́ты и т. п. Это же явленіе мною замѣчено около г. Владиміра на Клязмѣ.

Отмѣчая (стр. 160) *одинъ несомнѣнный* (выраженіе Колосова) случай отвердѣнія *т* передъ *и* *по памяты*, слѣдовало отмѣтить, что тоже явленіе вполнѣ выдерживается въ малорус. нарѣчіи: по па́меты, по со́вѣсты и т. п. (брест. и кобр. уѣзды).

Говоря о мѣнѣ согласныхъ шипящихъ—именно: употребленіи *ц* вм. *ч* (такъ называемомъ цоканьи), авторъ заявилъ, что не считаетъ возможнымъ уяснить причину подобной мѣны; но въ концѣ, все таки, сдѣлалъ догадку, что эта мѣна вызвана стремленіемъ избѣгнуть въ извѣстныхъ случаяхъ шипящаго звука, и поставилъ вопросъ, почему является это стремленіе, обнаруживающееся по разнымъ говорамъ не съ одинаковою силою? Предположеніе, однако, совсѣмъ невѣрно. Въ былинѣ, напр., записанной Верещагивымъ въ Онегѣ (см. Кирѣев. вып, I стр. 52) мы наряду „съ Ивановиць, во цетвертыхъ, Олёша Поповиць, шутоцьки пошуциватъ“ читаемъ: паличу (палица) (нѣсколько разъ), сокольшицёкъ (нѣсколько разъ), старцишшо; въ другой подобной былинѣ—на ряду съ

---

(1) См. *Потебня* «Къ исторіи звуковъ Русскаго языка“, стр. 7. Здѣсь почтенный ученый разсматриваетъ вопросъ—можетъ ли предполагаемое ѥ изъ *ѣ* объяснить всѣ замѣны этого послѣдняго въ русскихъ говорахъ; твѣтъ у него отрицательный, но не окончательный.

примѣрами: „по цисту полю, дѣтоцёкъ" и т. п. читаемъ: „самочвѣтноё, тридчеть, чѣной чѣнить" (Кирѣев. I стр. 86—7); въ былинѣ, записанной *А. Ѳ. Гильфердингомъ* въ Толвуи читаемъ: „Ивановичъ" (Онеж. былины стр. 166), „Поповичъ", но и „Микитинецъ, Микитиницъ, Поповицъ",—или: „церный вранъ" и „черна ворона" (тамъ же, стр. 242),—Васильевица, Васильевичъ (ib. стр. 880 и др.). Равнымъ образомъ въ марусской сказкѣ (Чуб. Труды... II № 9) читаемъ: *царевычъ* и *чаревычу*. Въ виду такой невыдержанности мѣны *ч* на *ц*, слѣдуетъ допустить иное толкованіе ея; *не есть ли цоканье слѣдствіе косноязычія?* Вѣдь, и косноязычный малороссъ произноситъ: вцо́ра, цужі́й, хоцу́, цого́, молоцка́ и т. п., вм. вчо́ра и т. д., батюска (*с* вм. *ш*); равно *з* вм. *ж*. въ словѣ желѣзо общеупотребительное въ сѣв. и южно-малорус. нарѣчіи (залізо, зелізный, зелізныкъ (заступъ) (брест. и кобр.), баба-югазалізна нога (Полтав. губ. (¹), Кіевск. (²) и др.) не чуждо и сѣв. великорусскому: „Красно золото помидило, Сребро-то поселизило (Рыбн. III. 418), зарко, завороночекъ, хызинка и т. п. (см. книгу г. Колосова, стр. 186 и Матеріалъ для характеристики сѣв. великор. нарѣчія—его же, стр. 29). Подобное косноязычіе должно было сказаться всего сильнѣе у инородцевъ, подпавшихъ обрусѣнію. Такой знатокъ русскаго языка, какъ *В. И. Даль*, на основаніи своего опыта отмѣтилъ, между прочимъ, фактъ, что „карелы, зыряне, пермяки, вогулы, вотяки, черемисы, *русья переиначиваютъ языкъ нашъ*". (О нарѣчіяхъ рус. яз.). Имъ русскій языкъ обязанъ существующими донынѣ многими странными формами. Но этого вліянія въ данномъ случаѣ Колосовъ не призналъ, хотя въ другомъ случаѣ принялъ, напр., что нельзя допустить, чтобы природные русскіе говорили: *сдѣлат* вм. *сдѣлаю, сходит* вм. *схожу* (стр. 244.). Что подобное извращеніе языка инородцами происходитъ въ порядкѣ вещей—подтверждаетъ заявленіе извѣстнаго знатока литовскаго языка пастора *Куршата*: „Литовцы, изучающіе нѣмецкій языкъ не произносятъ *h* тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и наоборотъ произносятъ его тамъ, гдѣ не слѣдуетъ: Und вм. *H*und, но *H*apfel

---

(¹) *Рудченко*, Народ. южнорус. сказки, вып. I, стр. 87.

(²) *Чубинскій* т. II. стр. 311: «трома *залізными* обручами у *неі* голова збита».

вм. *Apfel* и т. п.“ При обзорѣ разнообразныхъ звуковыхъ измѣненій Русскаго народ. языка, слѣдуетъ имѣть въ виду подобныя извращенія его въ устахъ инородцевъ, усваивавшихъ русскій языкъ.

На стр. 162. авторъ приводитъ въ примѣръ отвердѣнія *н* въ малорус. нарѣчіи слово изъ сборника пѣсенъ Драгоманова—*доганать*, и на основаніи этого одного слова изъ южной части малорусскаго нарѣчія приписываетъ всему малорусскому нарѣчію такую особенность, которая не выдерживается во всемъ нарѣчіи: въ сѣв. части малорус. нарѣчія это слово произносится доһаняты (брест. и кобр. уѣзды Гродн. г.).

Говоря о мѣнѣ *в* на *л* въ сѣв. великорус. нарѣчіи слѣдовало также отмѣтить подобную особенность въ бѣлорусскомъ и малорус. нарѣчіяхъ, напр. въ прошед. врем. на *лъ*: пришо*въ* вм. прише*лъ*; передъ согласными: вовкъ = волкъ, стовбъ, = столбъ и т. п.)

На стр. 165 авторъ отмѣтилъ, что ему неизвѣстны случаи мѣны *л* на *р*. Мы можемъ сообщить здѣсь одинъ примѣръ такой мѣны изъ Владимірск. губ., юрьевскаго уѣзда: *цамра* вм. *чалма* (ишь какую *цамру* надѣла на голову); примѣромъ мѣны *л* на *р* служитъ и слово *бурьянъ* отъ *быліе* чрезъ быльянъ—бульянъ—бурьянъ. За вѣрность такого производства говоритъ то, что слово это не собственное, а нарицательное: значитъ вообще—крупноствольныя, травянистыя сорныя растенія. *В. И. Даль* въ своемъ словарѣ отмѣтилъ при этомъ словѣ, что „ученые, спрашивая въ народѣ о названіи растеній, и слыша, что это *бурьянъ*, ошибочно приняли нарицательное имя за собственное“.

На стр. 167 авторъ, говоря о мѣнѣ *н* на *л*, не сказалъ ни слова о подобномъ же явленіи и въ малорусскомъ нарѣчіи; полтавецъ говоритъ: *останній* (¹), что вмѣсто *остальный* и очень сомнительно—вм. остатній (по вліянію польскому—ostatni); послѣдняя форма пользуется правомъ гражданства въ сѣв. малорус. нарѣчіи (брест. и кобр. у Гродн. г.).

Говоря объ употребленіи *л* вм. *й* (стр. 167), Колосовъ указалъ примѣры такого употребленія только передъ гласными, не приведши ни одного примѣра передъ согласными, хотя таковые есть на лицо: „Да изъ той *скамельки* бѣлодубовой“ (Гильф. Онеж. былины. стр. 1295); не

(¹) *Рудченко.* Народ. южно-русс. сказки вып. II стр. 7—8.

отмѣтилъ онъ перехода *й* въ *л* въ концѣ словъ, какъ напр.: „Не бѣлый *горносталь* по порошѣ проскакиваетъ“ (Рыбн. II. 125); не коснулся онъ мѣны *л* на *й* и въ малорус. нарѣчіи: *щавей* вм. щавель, (насберала щавею—брест. и кобр. у. Гр. г.).

На стр. 168 авторъ, говоря о мѣнѣ носовыхъ согласныхъ, не отмѣтилъ перехода *н* въ *в*: *молвія*, *молвіи* (Рыбн. III. 61 стихи 54—5, Барсовъ, Причитанья... стр. 246, стихъ 30); не отмѣтилъ мѣны *й* на *е* въ суф., какъ *баенка* (Рыбн. II, 252), отъ *байна* (ib.) = баня, которая свойственна и польскому нарѣчію: *stajenka* отъ *stajnja*.

На стр. 173. сказано что *к* измѣняется только на *г*, *х*, и *т*; но вотъ примѣръ мѣны *к* на *ч*: *чинжалище* (Кирѣев. I, 51, Барсовъ—Словарь къ Причитаньямъ), *чинжалъ* (слов. Даля).

Говоря о взаимной мѣнѣ зубныхъ *д* и *т* и мѣнѣ *д* на *г*, *т* на *к*, слѣдовало отмѣтить и слѣдующій случай: кречень вм. кречетъ (1) (не бѣлой то кречень перепуркивалъ (Рыбн. II стр. 135); слѣдовало отмѣтить мѣну *д* на *н*—нерѣдкую въ пѣсняхъ: *покинаю*, (2) *покинаешь* (Кирѣев. II. 3, и въ тоже время покидаешь) (ib), -отмѣтить мѣну *т* на *н*: стрѣнь (=встрѣть) ты меня (Кирѣев. VI. стр. 116 стихъ 86).

Слышимое въ уѣздахъ острогожскомъ и тамбовскомъ употребленіе *щ* вм. *шт* изъ *жд* (стр. 188) нечуждо и малорусскому нарѣчію: два́щи, три́щи (брест., кобр.). Слѣдовало отмѣтить происхожденіе *щ* изъ *ск*: щевро́нокъ (жаворонокъ), на ряду съ скворо́нокъ (см. словарь Даля).

Говоря (стр. 192) объ ассимиляціи согласныхъ и перечисляя сочетанія согласныхъ, въ которыхъ она бываетъ, слѣдовало указать на сочетаніе *жд*, переходящее, вслѣдствіе ассимиляціи, въ *жж*: дождь дожжитъ (Рыбн. III, 31 стихъ 53).

Говоря о выпаденіи *в* въ великорусс. нарѣчіи, авторъ не упомянулъ о подобномъ же явленіи и въ малорусскомъ нарѣчіи; малороссъ говоритъ: здохнувъ вм. вздохнулъ, скочивъ

---

(1) Слово звукоподражательное, отъ корня *крек—крич*=кричать, издавать не пріятные звуки; отсюда и каркать; въ Гродн. губ. (брест. и кобр. уѣзды) говорятъ: сорока *стрекоче*; малорусское-жабка—скрекотушка (Полтав. губ. см. Южно-русскія сказки, Рудченко, вып. II стр. I);—польское-skrzeczeć: żaba skrzeczy, kokosz (насѣдка) skrzeczy и т. п.

(2) *Покинать* новѣйшая форма, произшедшая отъ кинуть — покинуть; подобныя формы и въ польскомъ языкѣ: ginac отъ гнуть, первонач. *гъбнуть*.

вм. вскочивъ, ставай вм. вставай и т. п. И въ малорусскомъ, какъ и въ великорусскомъ нар. выпадаетъ *д* въ сочетаніи *дн*: уhануты вм. уhа(д)нуты, а между тѣмъ Колосовъ утверждаетъ (стр. 198), что такіе случаи *чужды* малорусскому нарѣчію; и въ малорусскомъ нар. есть случаи опущенія *т* передъ *л* : послаты = постлаты; (¹) что не отмѣчено Колосовымъ. Есть въ немъ и опушеніе цѣлыхъ слоговъ также, какъ и въ великорусскомъ (стр. 199): хыба не *хочъ* (брест., кобр.) = не хочешь; только въ данномъ примѣрѣ въ малорусскомъ удержалось *ч* корня, тогда какъ въ великорусскомъ оно выпущено; (но, быть можетъ, въ малорусскомъ н. сказалась мѣна *ш* (флексіи) на *ч*, а не удержалось коренное *ч*.) Относительно опущенія цѣлаго слога—*гыт* вм. говоритъ, слѣдуетъ прибавить, что подобное произношеніе слышится не только въ Архангельской и Вологодской губ., но и въ Рязанской и, вѣроятно, друг. г.

Говоря о „вставкахъ" (стр. 209), проф. Колосовъ не отмѣтилъ вставки *ев* : грѣеветъ (Рыбн. III. 417), виднѣеветъ (Барсовъ, Причит. 167); въ этой вставкѣ г. Барсовъ видитъ продолженную форму глагола. (см. Замѣчанія о языкѣ причитаній, стр. XXX); не отмѣтилъ онъ въ числѣ другихъ вставочныхъ согласныхъ и *л*: селгоду (см. Слов. Даля) = сего года (если это *л* не изъ *й*),—и въ тоже время привелъ въ примѣръ вставки такія слова, въ коихъ ея нѣтъ: вполнѣ слѣдуетъ согласиться съ знатокомъ русской народной живой рѣчи проф. *С. П. Микуцкимъ*, что *в* въ *эвтотъ*, *н* въ *энтотъ* не вставные, а коренные: эвтотъ = *эво тотъ*, энтотъ = *эно—тотъ*. Нѣтъ полноты и въ параграфѣ „Перестановка согласныхъ". Стоитъ взять словарь В. И. Даля, и тамъ можно найдти не мало примѣровъ перестановки согласныхъ, не отмѣченныхъ въ книгѣ „О Русскомъ народномъ языкѣ": *чиверики* (Каз.) = черевики и т. п., и въ тоже время съ сокращеніемъ: *внепры* (пенз.) = невпору, *снарва* и *снавра* (шпонка, прогонный брусокъ), отъ снавривать = снаровить—сноровить. Да и въ другихъ источникахъ, которые были подъ руками у проф. Колосова—сборникахъ народныхъ пѣсенъ, находится не мало такихъ примѣровъ перестановки, опущенныхъ въ разсматриваемой книгѣ: *барте* вм. брате (Барсовъ, Причит. словарь),

---

(¹) Какъ и въ польскомъ: słać pościel.

глиной вм. гнилой (ib.), *прокырчала*=прокрычала (Не бѣлая лебедушка прокырчала—Рыбн. III. 302 стихъ 209), *прокырскиваютъ* (А у ратая омешики прокырскиваютъ—Гильф. Он. был. стр. 158), *выгалкнешь*, которое издатель приравниваетъ къ выглотнешь (Съѣшъ волкъ пса, такъ и выгалкнешь— Рыбн. II. стр. 217).

Переходимъ къ *формамъ*. Въ параграфѣ „*падежныя окончанія*“ Колосовъ утверждаетъ (стр. 204), что „случаев измѣненія мужескаго рода на среднiй вовсе нѣт“, и дальше: „выпало жеребье (пудож. уѣздъ)—едва ли не единственный случай такого измѣненія“. Слѣдовало, при этомъ, замѣтить, что и въ малорусс. нарѣчіи это слово перешло въ среднiй родъ, въ формѣ *жеребя*. Но слово *жеребье* не есть единственный примѣръ; въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ читаемъ постоянно: лѣвое крылосо, на крылосо на правое (Рыбн. II стр. 141, 150) вм. крылосъ. Касаясь въ параграфѣ „падежныя окончанія“ слова *людь*—употребленія его въ единичномъ значеніи, слѣдовало бы упомянуть о происходящей отъ него формѣ—*людюшки* (Ай же вы, добрые людюшки (Рыбн. III стр. 16, 42 и др.).

Проф. Колосовъ утверждалъ, (стр. 210), что перехода именъ существительныхъ изъ темы *а* въ тему *i* въ именит. пад. ед. ч. вовсе не встрѣчается въ сѣв. великорус. нарѣчіи. Приводимыхъ въ подстрочномъ примѣчаніи *персонь* вм. персона и *моча* вм. мочь онъ не нашелъ возможнымъ сюда отнести: первое слово онъ призналъ чуть ли не исключеніемъ, а во второмъ усмотрѣлъ звуковое сокращеніе, условленное теченіемъ стиха. Но вотъ примѣръ, къ которому ни то, ни другое объясненіе не идетъ; въ одной свадебной заплачкѣ (изъ петрозавод. уѣзда) читаемъ: Не затопилась бы *свѣчи* воску яраго (Рыбн. III, стр. 351).

Говоря объ окончаніи именъ собирательнаго значенія—*ва*, слѣдовало сослаться на словарь *В. И. Даля*, въ которомъ находимъ слово *чернева* (чернь, толпа народа), образованное по тому же образцу.

Касаясь измѣненія словъ *матерь* и *дочерь*, пр. Колосовъ замѣтилъ, что формы винит. пад. ед. ч. — *матеря, дочеря*, слышимыя въ мценскомъ уѣздѣ, странны, и дальше продолжаетъ: „по такой формѣ винит. (собственно родит.) падежа можно ожидать для дательнаго п. формы—*матерю*“. При этомъ, имъ поставленъ вопросъ—существуетъ ли такая форма?

Мы рѣшаемся отвѣчать, что ея нѣтъ въ мценскомъ уѣздѣ, хотя считаемъ нужнымъ замѣтить, что у насъ нѣтъ прямого на то указанія; мы утверждаемъ это въ виду только того, что въ малорус. нарѣчіи (брест. и кобр. у. Гр. г.) слово *матерь* имѣетъ также родит. и винит. ед. ч. *ма́теря*: (не шануешь матэря, любы матэря), но въ дат. падежѣ — помогай *матэри*, а не *ма́тэрю*.

Не отмѣчено проф. Колосовымъ окончаніе именит. и винит. пад. сущ. сред. р.—*е* вм. *о*: на синее моречке разбѣжалися (Кир. VI. 212); не отмѣчено окончаніе зват. пад. именъ на *а*, существующее въ Восточной Сибири—*ау,—аю*: дѣвкау, Петруньчаю (Даль, „О нарѣчіяхъ"); не отмѣчено окончаніе род. пад.—*аго* отъ именъ существительныхъ на *ай*: оратай—оратаго (1), подобно тому, какъ въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ отъ вожатый (изъ—*ай*) вожатаго.

Смѣшеніе падежей.—На стр. 219 проф. Колосовъ останавливается на употребленіи *ы* вм. *ѣ* въ такихъ примѣрахъ, какъ: к погоды (Волочекъ), к сестры (Арханг.), ко толпы (Ряз.). Приведенные примѣры онъ объясняетъ смѣшеніемъ дательнаго пад. съ родит; но такое объясненіе этого явленія, по нашему мнѣнію, указываетъ лишь второстепенную причину его: изначальная причина не въ смѣшеніи падежей. Это есть явленіе, вытекающее изъ основныхъ законовъ фонетики арійскихъ языковъ. Находясь только на почвѣ славянской, нельзя понять этого явленія: необходимо обратиться къ родственному Славянамъ Литовскому племени. Въ литовскомъ языкѣ мы находимъ еще первоначальное окончаніе дат. пад. именъ ж. р.—*ai* : отъ *merga* (дѣва), дат. mergai (Schleicher, Litavische Gram.). Слѣдуетъ предположить, что и въ славян. языкѣ, въ *лето—славянскій періодъ*, было тоже окончаніе—*ai* : отъ *вода* дат. пад. былъ первоначально *водай*. Какое же приложеніе можетъ быть сдѣлано изъ этого для рѣшенія интересующаго насъ вопроса? Въ книгѣ проф. Колосова указана мѣна *а* на *ы* въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и бѣлорусскомъ (стр. 94); есть подобная же мѣна и въ малорусскомъ. Существованіе этого *ы* вм. *а* во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ заставляетъ иначе смотрѣть на сохраняющееся въ нѣкото-

(1) Въ одной былинѣ читаемъ:
Оратай-то оретъ, да посвистываетъ,
У *оратаго* сошка поскрыпливаетъ:
У *оратаго* сошка красна дерева (Рыбн. II. 317).

рыхъ мѣстностяхъ окончанiе дат. пад. ед. ч. ж. рода—*ы* вм. *ѣ*. Мы полагаемъ: первоначально было окончанiе *ай*, которое перешло въ *ый*, по распространенному въ русскихъ нарѣчiяхъ закону перехода *ай* въ *ый* (Очерк звуков. и форм. особ. стр. 221, 98, 94). Изъ этого *ый* тою частью русскаго языка, въ которой это окончанiе дат. пад.—*ы* находится до сихъ поръ, удержалось одно *ы*, а *й* исчезло. Между тѣмъ, другая часть русскаго языка, имѣющая въ дат. пад. *ѣ*, пошла по другому пути, и замѣнила первоначальное *аі* на *ѣ* непосреоственно, или черезъ посредство *ой*, на которое разлагаятся *ѣ* пѣть—*поj—ж*. Проф. Потебня высказалъ мнѣнiе, что напр. *поj—ж* предполагаетъ *паj—âми*, кавъ *слов—ж—слô—âми*—слав—âми = санскр. çрав—ами (Потебни, „Два изслѣд." стр. 30). Несомнѣнно, что славянское *ѣ* возникло изъ первоначальнаго (общаго съ литовскимъ) *аі*. Что дѣйствительно такое отношенiе между *ѣ* славянскимъ и *аі* литовскимъ видно изъ слѣдующаго сопоставленiя: русское *вѣникъ* = литов. vainikas, цѣна = kaina и т. п. : т. е. русскому *ѣ* соотвѣтствуетъ литовское *аі*. Равнымъ образомъ существуетъ полнѣйшее соотвѣтствiе между *ы* славянскимъ—русскимъ и *аі* литовскимъ: въ старославянскихъ памятникахъ находимъ *когы, когды* (Lexic. Miklos.) *тогы* (Болг. Троян. притча, изд. Миклош. въ III. кн. *Starin*, стр. 172), *егы* (ib. стр. 176, 180, 182, 184, 186), изъ *ко(д)гы* и т. д.; равно въ живой русской рѣчи—*тойды, сейды* (Слов. Даля), *куды* (Рыбн. II. 256, 258 и др.), въ малорус. нар.-когды, тогды (брест. и кобр. у. Гр. г.), польское—kiedy, tedy и т. п., которымъ въ литов. языкѣ соотвѣтствуютъ: *kadai, tadai* (¹). Наконецъ, летское нарѣчiе представляетъ еще болѣе ясное соотвѣтствiе съ славянскимъ въ этомъ случаѣ: литовскому *аі* въ окончанiи нарѣчiй и именит. множ. числа въ летскомъ соотвѣтствуетъ, *і*. литов. *labai* (хорошо) = летскому *labi*, (²) *tadai, kadai* = *tadi, kadi*. Мы признаемъ существующее донынѣ въ губернiяхъ Псковской, Витебской, Новгородской, Архангельской, Олонецкой, Рязанской и, несомнѣнно, еще кой-гдѣ окончанiе дат. пад. ед. ч. ж. р. *ы* вм. *ѣ* за остатокъ праязычной старины.

(¹) L. Geitler, O parasitskih gutturalih iza dentalah u litavskih i slavenskih jezicih (Rad jugoslav. Akad. kn. XLIV. 1878, стр. 132); см. также его Litauische Studien, стр. 51.

(²) Заимствуемъ примѣръ у Брикнера, въ его изслѣдованiи: «Zum Lehre von den sprachlichen Neubildungen im Litauischen» (Archiv für Slavische Philologie—*Ягича*, B. III, Heft. 2. стр. 262.

Подобное же окончаніе *ы* вм. *ѣ* въ предлож. пад.—*въ школы, на горы, на казны, на красы, во тōй вины* (все изъ тѣхъ же губерній) допускаетъ такое же объясненіе, что и *ы* дательнаго падежа. Въ литовскомъ языкѣ имѣемъ вполнѣ аналогичный примѣръ: извѣстный знатокъ литовскаго языка пасторъ *Куршатъ* приводитъ въ своей грамматикѣ одинъ примѣръ предложнаго (локатива) падежа съ окончаніемъ *i—dievi* (отъ *dievas*), которое, по мнѣнію Брикнера, (1) возникло изъ *dievai* черезъ *dievie*. Въ летскомъ нарѣчіи до сихъ поръ дательный и мѣстный падежи совершенно тождественны, какъ доказываетъ тотъ же ученый Брикнеръ. Летское окончаніе дательнаго падежа—*ai* : *liep—āi* не=литовскому *liep—ai* (липѣ) (формѣ дательнаго падежа), а *liepoje* (формѣ предложнаго падежа). При этомъ, существующее нынѣ различіе окончаній этихъ двухъ падежей: liepā (=въ липѣ), liepai (=липѣ) онъ справедливо считаетъ явленіемъ позднѣйшаго времени, условленнымъ приставкою къ первоначальному окончанію дательнаго падежа *j* (2); въ подтвержденіе этого своего мнѣнія онъ приводитъ удержавшееся донынѣ сходство окончаній дательнаго и предложнаго пад. въ именахъ существительныхъ съ суффисоомъ на *šana—s*, какъ напр.: kaušanas=въ битвѣ и *kaušanas*=битвѣ (3). Брикнеръ не представилъ убѣдительнаго основанія, по которому онъ признаетъ происхожденіе окончанія дательнаго падежа отъ предложнаго; но указанное явленіе сходства этихъ двухъ падежей въ именахъ съ суф. на *šana—s* устраняетъ всякое недоумѣніе относительно нормальности, впрочемъ, фиктивной (такъ какъ подобное смѣшеніе падежей, особенно развитое въ литов. языкѣ (4), свидѣтельствуетъ о паденіи формъ)—подобнаго сходства и въ славянскомъ языкѣ. Отрицать подобное соотвѣтствіе указанныхъ явленій въ языкахъ литов-

---

(1) Ibid. стр. 278.
(2) Ib. 285.
(3) Ib. 283.
(4) Въ литов. языкѣ находятся примѣры сходства формъ предложнаго и винит. падежей: *namõn eĩti*=идти въ домъ, и *dìdelën bèdõn esmi*=я есмь въ великой бѣдѣ (Kuršat, Gram. §§ 860, 861, 862.; заимствуемъ у Брикнера (ib. 282), въ которыхъ слѣдуетъ видѣть смѣшеніе этихъ двухъ падежей; есть смѣшеніе род. съ винит. *ků vājaga* (=чего нужно). *neků nevājaga* (=ничего ненужно), подобно тому какъ въ польскомъ нарѣчіи,

скомъ и славянскомъ нѣтъ основанія.—Какъ изъ приведенныхъ выше сопоставленій становится вполнѣ яснымъ историческое происхожденіе разсматриваемаго славянскаго окончанія *ы*, такъ въ тоже время должно быть соотвѣтственное окончаніе въ словахъ: *когда*, *тогда*, *дома*, происшедшее изъ *когд—аи*, *тогд—аи*, *дом—аи*, черезъ отпаденіе конечнаго *и*.—Какой изъ этихъ двухъ падежей—дательный или предложный взялъ перевѣсъ, т. е. въ которомъ изъ нихъ слѣдуетъ видѣть ключъ къ рѣшенію интересующаго насъ вопроса—намъ, при собранныхъ нами данныхъ, неизвѣстно.

Ѣ род. падежа вм. *ы*: у сестрѣ, изъ рѣкѣ—намъ непонятно; аналогичнаго ему явленія въ литовскомъ языкѣ мы не нашли. Но и оно имѣетъ свое историческое основаніе, какъ то доказываетъ исторія латинскаго языка; въ императорскій вѣкъ для род., дат. и предл. падеж. было одно и тоже окончаніе—*аі* : род.: Belolai, Duelolai, Fameliai,—предлож.: Romai и др. (1).

Здѣсь кстати замѣтимъ, что проф. Колосовъ ошибался, утверждая, что въ малорус. нарѣчіи нѣтъ случаевъ смѣшенія падежныхъ окончаній (стр. 224). Вотъ два—три примѣра изъ сѣв. малорусскаго нарѣчія такого смѣшенія предложнаго съ дательнымъ: *въ шко́лы*, *въ мі́сты*, (брест. и кобр. у. Гр. г.), но *въ горі́*, *въ казні́*, *на голові́*, *по воді́* и т. п., (ib. дат. п. *казні́*, *голові* и т. п. (ib.).

На стр. 220—221 отмѣчены проф. Колосовымъ формы падежей творит. и предлож. ед. ч. и именительнаго множ. ч. именъ ж. р. на *а* съ окончаніемъ *ам*, какъ напр.: за рыбам (=за рыбою), на водам (=на водѣ), въ избам (=въ избѣ), головам (=го́ловы), рукам (=ру́ки). Формы этѣ слышимы только въ одной мѣстности, въ селѣ Никольскомъ, красноярскаго уѣзда, Астраханкой губ., гдѣ жители, по свидѣтельству рукописи Архива Имп. Географич. Общества, выселенцы разныхъ губерній, а по показанію „Списковъ населен-

при среднемъ родѣ стоитъ винит. пад.: *co* potrzeba, *nic* nie trzeba, но при муж. и ж. р. падежъ родительный: jego, jej nie potrzeba; есть смѣшеніе оконч. именъ жен. р. съ окончаніями муж. р.: iš bažnyče вм. iš bažnyčios (изъ церкви)—въ жмудскомъ нарѣчіи.

(1) Основываемся на чтеніяхъ проф *И. В. Цвѣтаева* (нынѣ проф. Москов. унив.) студентамъ Варшав. университета, слушателямъ коего былъ и авторъ настоящей статьи.

ныхъ мѣстъ Европ. Россіи (кн. II. с. XII), малоруссы. Для автора книги „о Русскомъ народ. языкѣ“ этѣ формы показались „*странными*“; мнѣ же кажется, что въ нихъ скрываются остатки глубокой старины, уясняемые отчасти сравненіемъ съ родственными языку славянскому языками санскритскимъ и литовскимъ. Извѣстно, что первочальное окончаніе творит. пад. въ литов. языкѣ *mi* изъ санскритскаго *bhi—bi*. Въ именахъ на *i* и *u* это окончаніе сохраняется въ видѣ *u* изъ *am*, напр.: *vilku* (влъкъ-мь) = первоначальной формѣ—*vilkami* (Schleicher Lit. Gram. I, стр. 77); но въ именахъ на *a*, *ja* (e) и въ именахъ ж. рода это окончаніе въ литовскомъ языкѣ отбрасывается: отъ *merga* (дѣва), творит. пад. тоже *merga*. Обратимся теперь къ славянскому языку. Форма творит. пад., напр. отъ влъкъ *влъкъ—мь*, несомнѣнно, произошла отъ основной формы *влъкъ-ми*, съ сокращеніемъ конечной гласной *и* въ ь. Въ славянскомъ языкѣ въ этомъ случаѣ совершенную аналогію съ именами муж. рода представляютъ и имена ж. рода. Итакъ, отъ *рыба* черезъ приставку первоначальнаго падежнаго окончанія *ми* было сначала—*рыба-ми*, а затѣмъ съ сокращеніемъ конечной гласной—*рыбамь*; эта переходная ступень образованія окончанія творит. пад.—полагаемъ—удержалась въ упомянутой мѣстности. Форму эту нельзя ставить рядомъ съ серб.—хорв. *рыбом*, польск. *rybą* и старо-славянскою *рыбоѭ* и велико—малорусскою *рыбою* (последняя какъ прямая замѣна старославянской) и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ малорусскою—*рыбов* и т. п. (1); старославянская и русская формы—оѭ, *ою* отличаются отъ формъ другихъ тѣмъ, что онѣ возникли, при помощи мѣстоименнаго окончанія, какъ вѣрно полагаетъ проф. *Миклошичъ* (2), и еще раньше такъ полагалъ *Боппъ* (3). Серб.-хорватское окончаніе *ом* (рыбом) и малорусское *ов* (рыбов) возникли изъ церковнославянской въ слѣдующей градаціи: *рыбою—рыбој—рыбоу—рыбов—рыбом*; формы эти представляютъ явленіе болѣе позднее. Разсматриваемая же форма *рыбам* имѣетъ древнее (носовое) окончаніе, мало того—представляетъ примѣръ полнаго

---

(1) См. Грамматику *Осадцы* стр. 59.

(2) Ueber den Ursprung einiger Casus der pronominalen Declination (въ Sitzungsberichte kaiserl. Academie Wiener. LXXVIII, стр. 150—1).

(3) *Bopp*. Vergleichende Grammatik, B. I. стр. 322.

сходства окончанія творит. пад. съ окончаніемъ винительнаго п.—*рыб-ж=рыб—а(о)м(н)*. Это послѣднее тожество свидѣтельствуетъ о глубокой сраринѣ, самымъ наглядномъ образомъ сохранившейся въ верхне и нижне-лужицкомъ нарѣчіяхъ: *рыбу, ролю*=винит. и твор. падежи (¹), и въ литовскомъ языкѣ: *tùn* vyrù (=этого мужа) и sù *tùn* vyrù (=съ этимъ мужемъ) (²). Форма предлож. пад. на *ам*, быть можетъ, соотвѣтствуетъ такой же формѣ санскрита, въ именахъ женск. рода на *а*: áśvây-am, prîty-am, vadhv-am, и т. п. (³).

Затѣмъ, что касается подобнаго же окончанія въ именит. пад. множ. ч., то его удачно объясняетъ *С. П. Микуцкій*. Исходя изъ положенія, что долгая гласная замѣняется краткою гласною съ носовымъ пазвукомъ, почтенный ученый форму именит. пад. множ. ч. на *ам*, напр. рыбам—рыбан выводитъ изъ основной *рыба ас*, головам=*галова—ас* и т. п. Въ подтвержденіе вѣрности высказаннаго положенія почтенный ученый приводитъ слѣд. данныя: долгое ӯ въ па-ӯк (отъ корня вā, ӯ=texere, паукъ—собственно ткачъ) переходитъ въ *ун*—паункъ=польское *pająk;* отъ санскрит. *rūpa*—видъ, прекрасный видъ—въ ниж. лужицк. удержалось это долгое ӯ—*hиrирпу*, а въ древ. польскомъ *urотрпу* знач. formosus; польское grdyka (=gar-tūka), кадюкъ и grdęczyć (душить).

Быть можетъ, представленныя нами объясненія не выдержатъ критики свѣдущаго языковѣда. Желательно, однако, чтобы знатоки дѣла высказали свое мнѣніе по этому вопросу; въ книгѣ проф. Колосова, къ сожалѣнію, нѣтъ обстоятельнаго изложенія этой особенности небольшой части русскаго языка; онъ привелъ лишь пять примѣровъ и снабдилъ ихъ замѣчаніемъ, что подобное окончаніе *ам*, быть можетъ, существуетъ *и въ другихъ падежахъ* (стр. 221). Такое замѣчаніе только вводитъ въ заблужденіе и заставляетъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ относиться къ представленнымъ выше объясненіямъ; но мы вполнѣ увѣрены, что въ указанной осо-

---

(¹) *Miklosich*, Vergl. Gram., B. II, стр. 522 и 566.

(²) *Brückner*, ib. стр. 289.

(³) *Bopp*. Vergl. Gram. B. I. 404 и *Stenzler*, Elementar—Buch der Sanskrit—Sprache.

бенности нѣтъ никакой аномаліи, и замѣчаніе проф. Колосова, *что это окончаніе* ам, *быть можетъ, встрѣчается и въ другихъ падежахъ, кромѣ указанныхъ*, вѣроятно, окажется неосновательнымъ. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что проф. Колосову было неизвѣстно, что и *В. И. Даль* въ своей статьѣ „О нарѣчіяхъ“ (стр. XLV) отмѣтилъ употребленіе этогоже окончанія *ам* въ городѣ Красномъ Ярў: *на водамъ*=на водѣ, *въ избамъ*=въ избѣ. Кромѣ того, прибавимъ, что слѣдовало бы собрать и такіе примѣры смѣшенія падежей, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: поплыло судёнышко *по Волхвъ по рѣкѣ* (см. „Сказки“ Сахарова; заимствуемъ изъ приложенія къ V вып. пѣсенъ Кирѣев. стр. XXVII); слѣдовало бы указать также такія слова, которыя въ Русскомъ народномъ языкѣ употребляются въ иномъ числѣ, несогласно съ языкомъ литературнымъ, наприм., вм. *хлóпоты* находимъ хлопотá пришла (Кирѣев. III стр. 67).

Проф. Колосовъ говоритъ (на стр. 227), что въ малорусскомъ нарѣчіи только одно окончаніе для им. пад. мн. ч. именъ прилагательныхъ—*ии* (*іи*). Вотъ нѣсколько примѣровъ съ другимъ окончаніемъ: *злые* люде, *сьвые* голубы, но *хороши* люде, *черны* очи и т. п. Въ перечнѣ окончаній творит. пад. ед. ч. именъ прилагательныхъ (стр. 230), не указано довольно распространенное окончаніе—*аимъ* вм. *омъ* и *ымъ*. Примѣръ перваго: *во славнаимъ* было городѣ во Муромѣ (Кирѣев. I стр. 25); примѣръ втораго: „корми ты ево тѣстомъ *пашеничнаимъ*“ (ib). Приведенные примѣры не непремѣнно вызваны потребностію стиха: потому что вм. перваго стиха пѣвецъ могъ бы сказать: „во славномъ было во городѣ во Муромѣ; равно, вм. втораго—„ты корми—ко ево тѣстомъ пашеничнымъ“, какъ это мы встрѣчаемъ часто въ другихъ пѣсняхъ, напр.:

„Ты сойди-ко, Ермакъ со добра коня,
Ты войди-ко Ермакъ во бѣлъ шатеръ,
Ты испей-ко чару зелена вина„ (Кирѣев. I стр. 61).

Отмѣтивъ на стр. 230 окончаніе творит. падежа женскаго рода—*іе* вм. *іей* (силой могучі*е*), которое условлено потребностію стиха, пр. Кололовъ упустилъ изъ виду другое окончаніе *оей*; такъ, въ былинѣ „женитьба князя Владиміра“ читаемъ: куда махнутъ тросточкой дубов*оей* (Рыб. III № 3 стихъ 24).

Въ *глагольныхъ формахъ* къ тому, что изложено въ книгѣ пр. Колосова, слѣдуетъ прибавить замѣну окончанія неопредѣленнаго наклоненія—*ивать* черезъ—*ать* (¹): „Кіевскій князь *распрошать* его сталъ (Кирѣев. вып. I, 33); такая сокращенная глагольная тема проходитъ черезъ все спряженіе: „спрошалъ Акундинъ“ (въ сказкѣ про новгородца Акундина, ib. стр. XXVIII). Къ отмѣченной на стр. 247 формѣ „*хатишь*“, слѣдуетъ прибавить и „*хотитъ*“ (Гильферд. Онеж. был. 521). Эти формы народнаго языка имѣютъ связь съ формами литературнаго языка: *хочу, хочешь, хочешъ*, но *хотимъ*. Слѣдуетъ также прибавить употребленіе замѣчательной формы прошедшаго времени въ слѣдующихъ стихахъ народной пѣсни:

„Былъ ли ты красть монастыря Румянцева
И былъ ли ты нести золотой казны, (Рыб. сбор. пѣсенъ вып. II, 242)

т. е. кралъ ли ты изъ монастыря Румянцева, носилъ ли ты изъ него золотую казну. Наконецъ, сюда же слѣдуетъ прибавить разсмотрѣніе причастныхъ и дѣепричастныхъ формъ и видовъ залоговъ, чего пр. Колосовъ вовсе не коснулся.

Вполнѣ вѣрно мнѣніе „что нарѣчіе характеризуется особенностями его звуковъ и формъ; для характеристики же всего народнаго языка (въ совокупности его нарѣчій и говоровъ) слѣдуетъ обратить вниманіе на *словообразованіе*“ (²); Исходя изъ этого положенія, мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь слѣдующіе суффиксы, не отмѣченные въ перечнѣ пр. Колосова въ его статьѣ: „Матеріалъ для характеристики сѣв. великорус. нарѣчія“: *ища* вм. *ище*: Бабища, отъ баба (убилъ Бабищу до смерти (Кирѣев. I, 66),—*ей-ко* вм. *еч-ко*: сонейко (Ѳ. И. Буслаевъ Очерки т. I, стр. 149),—*еч-ке*, вм. *еч-ко*: моречке (Кирѣев. VI, 212 и Гильф. Онеж. был., стр. 1, 317),—*оч-ка*: хлѣбосолочка, скатереточка (Рыб. III, 368—9), *я-ш-еч-ка*: потеряшечка (Рыб. III, 417), отъ потерять,—*ой-ка* вм. *оч-ка*: всѣ звѣздойки (Бусл. ib.); на ряду съ отмѣченнымъ въ упомянутой статьѣ суффиксомъ *уш-ка* слѣдовало отмѣ-

---

(¹) *Ать*—простѣйше окончаніе; осталось оно въ немногихъ словахъ: отвѣчать, отмѣчать. Это окончаніе и въ польскомъ нарѣчіи: uprasząć, upłacać (изъ upłacywać)

(²) См. статью пр. Колосова «Матеріалъ для характеристики сѣв. великорусскаго нарѣчія», помѣщенную въ Варшав. Унив. Извѣстіяхъ за 1876 г.

тить *уш-ко*: словечушко, (Рыб. III, 418) и *уш-е-къ*: вѣкушекъ (Барсовъ, Причитанья... стр. 115).

Но, по нашему мнѣнію, мало одного перечисленія суффиксовъ: необходимо, при этомъ, показать степень распространенности каждаго изъ нихъ. Итакъ, наприм., суффиксъ *уш-ка* встрѣчаемъ въ *рѣчушка* (Кирѣев. X. 95) отъ рѣка, *водушка* (Рыбн. III. 318) отъ водка, *лѣсушка* (Барс. прич. стр. 1) отъ лѣсъ, *вѣкушекъ* (и наставитъ мнѣ-ка долгова онъ вѣкушку—Брас. ib. 115) отъ вѣкъ,—*очушки* (Кирѣев. X. 202) отъ *очи—око*,—и въ *дочушка* (Рыбн. III, 316) отъ дочь, *кроватушка* (ib. 318) отъ кровать, *лошадушка* (ib. 350) отъ лошадь, *смерётушка* (ib. 411, 422), *грудюшки* (Барс. 116) отъ грудь, и *бѣднушка* (Рыбн. III, 411) отъ бѣдный. Слѣдуетъ указать *равнозначитеъность* одного суффикса другому; такъ напр., на ряду съ суффиксомъ *ен-ъцъ* (младенецъ) сусуществуетъ равнозначительный *ен-ъ*: *младенъ* (Перм. по Далю и петрозав. уѣздъ по Рыбн. II; 252 и 254: завернула мать младеня въ бѣлотравчату рубашку).

При этомъ, также нужно показать, какъ русскій человѣкъ легко составляетъ новыя слова. Такъ, отъ *казакъ* онъ образовалъ глаголъ *казаковать* (въ былинѣ „Илья Муромецъ“ читаемъ: Охъ ты что одна въ чистомъ полѣ казакуешь), отъ глагола *говорить* (сущ. м. р. говоръ) онъ произвелъ существительное ж. р. *говоря* въ значеніи рѣчи (въ погребу учулъ Васька эту *говорю* похульную (Кирѣев. V. стр. 6), отъ *лѣсъ—лѣсывалъ* (Рыбн. II, 6),—отъ *поле—поляковать*, (Рыб. II, 46 и Ефименко, Матеріалы, 12), *полякъ* (ib. 257), *поляница* (ib) (¹), и *паляница* (Ефим. ib. 14), отъ *почивать—почивъ* (Кирѣев. I, стр. 60 и друг.), *опочивъ* (Рыбн. III),—отъ *бродъ—бродучій* (бродучій слѣдъ—Кирѣев I № 6),—отъ *встрѣча—встрѣчники* (Кир. I, 15),—отъ *камышъ—камышники* (ib. 26), отъ *забывать—забудущій* (Рыбн. III, 298),—каковая форма существуетъ и въ малорус. нарѣчіи,—отъ *„звонъ унылый“*—прилагат. *звонунылый* (Вы воспойте-ко звонунылы жалки пѣсенки (Рыбн. III, 357),—отъ *„съ частными ступеньками“*

(¹) Такое же образованіе предполагаетъ названіе миѳическаго героя одной малорусской сказки «Про богатыря Сухобродзенка Ивана и Настасію прекрасную» *Билого—Полянина* (и Палянина), которому придается слѣдующій эпитетъ: «Самъ біли, *поле біле*, хорти біли, усе біле» (Чубинскій Труды этнограф. стат. эксп. т. 2-ой, стр. 312, 313 и друг.).

частоуступчатый (къ частоуступчатой лѣстницы—Рыбн. III 360),—отъ *конь—конинный*. (Кирѣев. I, 42). а въ малорус. нарѣчіи: *коняка, конячка* [1] (Подольск. губ.), въ значеніи кобылка, кобылочка,—отъ нарѣчія *тамъ*—прилагат. *тамый* (а изъ тамаго изъ города изъ Муромля—Рыбн. III № 5, стихъ 78),—отъ нарѣчія *завтра*—существ. *завтріе* (ко тому ко дню ко завтрію—Рыбн. III, 314), каковое существуетъ и въ малорусскомъ нарѣчіи: до за́втрія = до завтрашняго дня (Брест. Кобр.).

Затѣмъ, обязанность изслѣдователя „*Русскаго народнаго языка*“ указать все то, что роднитъ великорусское нарѣчіе съ малорусскимъ и бѣлорусскимъ съ лексикальной стороны: когда будетъ составленъ болѣе или менѣе обстоятельный перечень словъ извѣстныхъ напр. малорусскому и великорусскому, но послѣднему не сплошь и рядомъ, а только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, по образчику, предложенному *В. И. Далемъ* въ его статьѣ „О нарѣчіяхъ Русскаго языка“ (при словарѣ, стр. XXXII), тогда только можно вполнѣ ясно представить отношеніе одного нарѣчія къ другому; при этомъ, несомнѣнно, получится въ результатѣ точный выводъ *о Русскомъ народномъ языкѣ*. Пора уже намъ обращаться къ подобной работѣ, а не вращаться только среди однихъ звуковъ. При этой важной работѣ, необходимо почаще справляться съ другими славянскими нарѣчіями, а не ограничиваться лишь случайнымъ сопоставленіемъ. Имѣя на лицѣ въ современномъ сѣв. великорусскомъ нарѣчіи *мякко* вм. мягко, *лекко* (Рыбн. III. 194), въ малорусскомъ—*мяко*, слѣдуетъ такое произношеніе сопоставлять съ тожественнымъ произношеніемъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, съ ссылкою и на памятники языка: въ Остр. Ев. мы находимъ „въ макъкы ризы облъчена“ [л. 267 а], въ сербскомъ спискѣ вопросовъ Епифанія читаемъ: ѥтвомь мєкькь, ꙗко вльна (фотографич. снимки Севастьянова, № 18); въ польскомъ: miękko, liekko, — чешскомъ:—mekko, — серб. меко и т. п.; русскому *статокъ*, въ значеніи стада (губ. Смолен.) въ чешскомъ соотвѣтствуетъ *statek*=pecus; русск. обилье, въ значеніи немолоченаго хлѣба (Арханг. губ.) = чешскому *obilje* = fru-

---

(1) Чубин. II., 618: «Мавъ бiднии одну *коняку*»—стр. 619: Возьми купи *конячку*; въ Гродн. губ. существуетъ слово *конюкъ* въ значеніи двухъ—трехъ годовалаго жеребенка.

mentum. Или встрѣчая въ велико-русскомъ нарѣчіи мѣну *я* изъ ѧ на *е* (Очерк. стр. 131—4), слѣдуетъ знать о подобной же мѣнѣ и въ сербскомъ нарѣчіи.

Такимъ образомъ, изученіе особенностей извѣстнаго языка, въ современномъ его состояніи, должно быть всегда соединяемо и съ его исторіей и съ сравненіемъ съ другими слявянскими нарѣчіями. Зная объ употребленіи слова *товарищъ* въ XVII в. въ формѣ *товаръ* [и велено цѣловальнику на Турье с товары тое землю отвести (т. е. отмежевать)] (1), намъ не приходится считать форму *товариши* (псков. уѣзда, Пѣсни Шейна) примѣромъ смѣны *щ* на *ш*, какъ то призналъ проф. Колосовъ (2). Можно допускать, что псковское слово *товарышъ* образовалось, подъ вліяніемъ польскаго языка, какъ и малорусское—*товарышъ* (Гродн. губ., брест. и кобр. уѣзды) (3); но довольно сомнительно его происхожденіе изъ *товарищъ*, въ виду возможности его нахожденія въ псковскомъ говорѣ по той же причинѣ, по какой оно существуетъ въ чешскомъ и словацкомъ нарѣчіяхъ (towaryš), вендскомъ (tovarish), польскомъ (towarzysz) (4) и въ хорватскомъ (tovariš) (5).

Сообщенные факты изъ древняго и современнаго Русскаго языка показали намъ ихъ преемственную связь. Привлеченные для объясненія отдѣльныхъ особенностей Русскаго языка факты изъ языковъ и нарѣчій, родственныхъ языку Русскому точно также доказываютъ, что и между ними есть связь.

---

(1) Сборникъ словъ, выбранныхъ изъ архивныхъ Яренскихъ столбцовъ XVI—XVII вв. штатнымъ смотрителемъ Яренскихъ училищъ А. Протопоповымъ въ «Извѣстіяхъ Акад. Наукъ»—Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики. II., стр. 267).

(2) Обзоръ звук. и формальн. особ. Русс. языка.

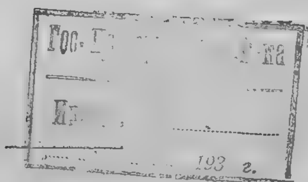
(3) Такъ и въ западно-русской пословицѣ: «Самому теби в лиси товариша не знайдешь» (Приведена въ «Мысляхъ объ исторіи Русскаго языка» *И. И. Срезневскаго.* стр. 88, какъ примѣръ дательнаго самостоятельнаго).

(4) См. словарь *Линде.*

(5) Такъ читается это слово въ хорватскомъ памятникѣ XVI в. «Pistule ievanyelya po sfe godischie harvatschim yazichom stumacena, nouo pristampana i s pomgnom priuiyena, po nacinu nouoga missala nareyena po sfetoy materi crichui. V Bnetcih 1586; см. статью *Даничича* «Разлике између єзика србскога и хрватскогъ» въ IX-ой св. «Гласника», стр. 32.

Въ заключеніе, поэтому, мы имѣемъ право сказать, что ясное пониманіе особенностей современнаго литературнаго языка возможно, при уясненіи 1) того, насколько каждое русское нарѣчіе принимало участіе въ его образованіи, 2) насколько сказалось въ немъ вліяніе церковно-славянскаго языка, 3) славянскихъ нарѣчій и 4) другихъ чуждыхъ языковъ.

Послѣ того, какъ всѣ эти вопросы будутъ изслѣдованы съ надлежащею точностью и полнотою, можно будетъ приступить къ составленію настоящей *Исторіи Русскаго языка*. Русскимъ филологамъ предстоитъ еще громадная работа. Моя задача, какъ и всякаго другаго преподавателя Исторіи Русскаго языка—поощрять молодыя силы къ занятіямъ памятниками отечественнаго языка, въ связи съ изученіемъ памятниковъ церковно-славянскаго языка и славянскихъ нарѣчій. При подобномъ изученіи Русскаго языка, слушатели могутъ познакомиться съ тайнами историческаго развитія языка, и Славянская Филологія пріобрѣтетъ значеніе важнаго вспомогательнаго предмета въ университетскомъ образованіи.

Въ книжныхъ магазинахъ (въ С.-Петербургѣ) **М. В. Попова** и **Н. Г. Мартынова** продаются слѣдующіе труды тогоже автора:

1) Сербскія житія и лѣтописи, какъ источникъ исторіи южныхъ Славянъ. (Оттискъ изъ «Славян. Сборника» за 1876 г. т. III.) ц. 30 к.

2) Значеніе неизданнаго Дубровницкаго поэта А.—М. Глегевича Спб. 1881 г. ц. 30 к.

3) Памятники Болгарскаго народнаго творчества вып. I. Спб. 1882 г. ц. 4 р.

4) Неизданный Дубровницкій поэтъ Антонъ-Маринъ Глегевичъ. съ приложеніемъ: Образцы Дубровницкаго языка и письма Спб. 1882 г. ц. 2 р. 25 к.

5) Къ вопросу о литературной дѣятельности Болгарскаго патріарха Евѳимія Спб. 1882 г. ц. 40 коп.

Поступятъ въ продажу:

1) «Отвѣтъ моимъ критикамъ».

2) Исторія Сербіи XIV и XV вв.

